

№ 1. 43. № 1 XXI-1-21

Мозу Мозову
Заслуженный

№ 11.
640
94

Сочинен. воем. мезу. Мозва
рукописи воег
двевн. еоурама

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ

РУКОПИСИ

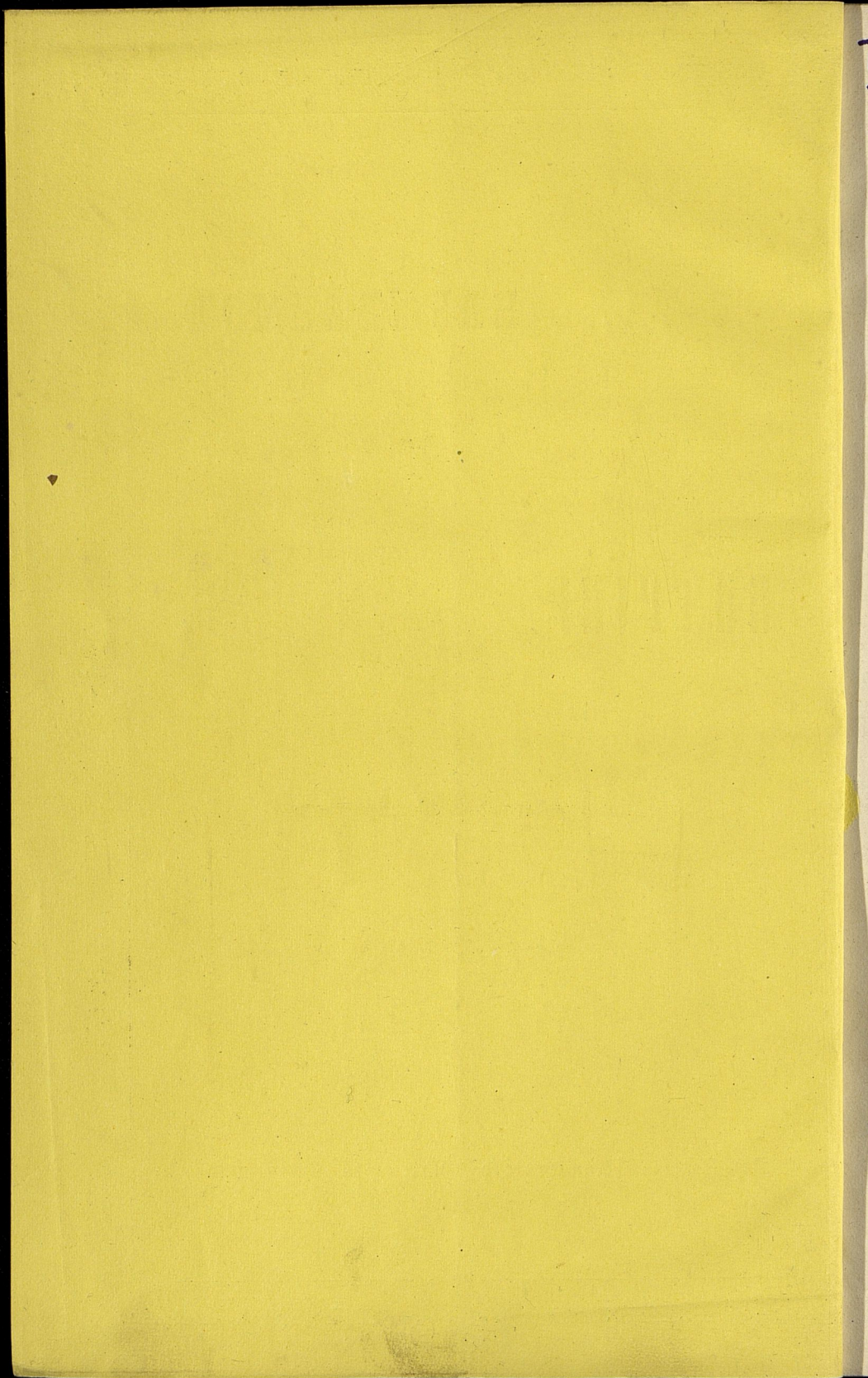
ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА.

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ А. КОНДРАТЬЕВА.

БИБЛИОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за
1878 г.)

находимъ у Григоря. Κατὰ δὲ τούτων τῶν χρόνων (около времени смерти царя Стефана Душана) ἤκου ἐκ Μοσῶν τῶν υἱῶν βασιλεῖς Ἀνδρονίκου τῶν τῶν βασιλέων Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου πατρί υἱῶν Μαρία ἡ τῶν βασιλέων Μοσῶν Ἀλεξάνδρου θυγατῆρ, τῶν θυγατῶν αὐτῶν τῆς ἡλικίας ἀπέβοντι χρόνον διήλθει οὕτως καὶ αὐτῇ σχεδόν (Notices et extraits des manuscrits, XVII. Паме ралис, р. 30). По всей вѣроятности, она происходила уже отъ второго брака I. Александра, а мы не знаемъ, почему г. Ирсечки (Gesch. der Bulg., стр. 321) называетъ ее leibliche Schwester Sisman's. Тотъ же самый Григоръ, сказавъ, что въ это время оставилъ дворецъ Болгарскаго царя греческая царевна Ирина (Κατακουζηνὸς, I, стр. 306, 34. Bonn., называетъ ее Ἰερικίη), вдова послѣ старшаго сына I. Александра Михаила Асена, продолжаетъ: Ἐποὺ μὲν αὖν ἦσαν τέκνα πατρὸς, Ἀλεξάνδρου θυγατῆρ, τῶν υἱῶν Μοσῶν βασιλέων, αὐτῶν οὐκ αὐτῶν (то-есть, Иринѣ) πρότερον καὶ ἡ υἱὸς Ἀνδρονίκου υἱῶν (то-есть, Керала), υἱῶν δὲ βοσῶν. У Франца встрѣчаемъ также, что Керала жила съ Андроникомъ Палеологомъ еще въ 1376 г. (ed. Bonn., р. 54), но нечего думать объ алейтѣ сирѣчь Александруса καὶ τῶν τῶν ἡλικίας αὐτῶν οὐκ αὐτῶν καὶ τῶν κειμένων αὐτῶν... Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ 12-го августа 1376 г. Андроникъ ввелъ Константинополь и короновался подъ именемъ Андроника IV. Второю вѣтъ царя Болгарскаго, назначивъ изъ Константинополя своимъ отцомъ и братомъ, умеръ въ Галатѣ въ 1385 г. Синохителас Деспотави, третьей дочери I. Александра, мы можемъ лишь повторить выше указанное сообщеніе, что и вѣдь она была выдана за Мирада I. Въ эпоху замужества, было 1371 г., ей было уже больше 20 лѣтъ.

Изъ сыновей I. Александра наша рукопись называетъ двухъ: I. Шишмана и I. Срацимира, при чемъ послѣдній въ рукописи № 153 названъ I. Асенецъ. По нашему мнѣнію, всего было три, а не четыре сына у Болгарскаго царя: два отъ перваго брака—Михаилъ Асенъ и I. Срацимиръ (прозвище Асена не перенесено ли по смерти перваго на послѣднѣго?), а одинъ отъ втораго I. Шишманъ. По смерти Михаила Асена, старшинство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право престолонаслія, оставалось въ то время за I. Срацимиромъ. Но уже въ 1365 г., въ силу особаго распоряженія царя, I. Срацимиръ уступилъ старшинство и отказался отъ наслѣдованія въ пользу младшаго брата Шишмана. Но объ этомъ было говорено по поводу первой болгарской рукописи № 151.

С. Венехскій

(Смѣшаніе рукописей).

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ РУКОПИСИ ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА.

(Посвящается Е. Е. Замысловскому).

Рукопись, приписываемая патриарху Филарету, находилась первоначально ¹⁾ въ рукахъ бывшаго начальника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ А. О. Малиновскаго, который передалъ ее для напечатанія П. А. Муханову, бывшему председателю археографической комиссiи: въ первый разъ—въ 1837 году отдѣльно, и во второй—въ 1866 году въ извѣстномъ своемъ „Сборникѣ“ (стр. 263 — 330) ²⁾. Рукопись эта, написанная на нѣсколькихъ листахъ, шитыхъ въ тетрадь и покрытыхъ оберткой, имѣетъ слѣдую-

¹⁾ Сборникъ *Муханова* 1866 г., примѣчаніе на стр. XXXI.

²⁾ Рукопись издана Мухановымъ съ сохраненіемъ почти всехъ особенностей подлинника; такъ напримѣръ, сохранены рѣшительно все поправки, которыя были сдѣланы на поляхъ или между строками; почеркъ каждаго поправщика (ихъ было четверо) обозначенъ особымъ шрифтомъ; хотя почеркъ различныхъ рукъ самаго текста и не напечатанъ отдѣльнымъ шрифтомъ (для почерка «третьяго» писца сдѣлано исключеніе), за то въ концѣ сборника приложенъ рисунокъ, гдѣ почеркъ каждаго писца означенъ особою краскою; если гдѣ въ рукописи недостаетъ одного или нѣсколькихъ листовъ, то это обозначено точками; все то, что было въ подлинникѣ зачеркнуто поправщиками, зачеркнуто и въ печати посредствомъ креста; а чего нельзя было зачеркнуть (какъ, напримѣръ, букву или одну строку), то поставлено въ скобкахъ; поправки, сдѣланныя рукою «самого лѣтописца», написаны тѣмъ же шрифтомъ, какъ и самая лѣтопись; двумя чертами обозначена склейка, а одною чертой отдѣленъ одинъ листъ отъ другаго. Наконецъ, въ концѣ приложены facsimile, какъ почерковъ переписчиковъ текста, такъ и почерковъ поправщиковъ; приложенъ также и рисунокъ, изображающій фабричныя клейма бумаги.

шую надпись: „Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ кончины царя Бориса Годунова до избранія государя царя Михаила Ѳеодоровича замѣшательствахъ и бѣдствіяхъ, сочиненная (витіевато) при патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рукою (уповательно) исправленная“¹⁾. О внѣшнемъ видѣ рукописи Мухановъ, въ предисловіи къ своему первому изданію, говоритъ слѣдующее: „Подлинникъ писанъ на столбцѣ длиною въ 34 аршина; столбецъ разрѣзанъ на неравные листы, ихъ числомъ 67; бумага тряпичная разныхъ клеймъ; начальныхъ листовъ и въ срединѣ многихъ недостаетъ; уплѣвшіе, перемѣшанные безъ всякаго порядка, были шиты въ тетрадь; столбецъ написанъ не одною, но шестью различными руками; почеркъ всѣхъ шести рукъ принадлежитъ къ началу XVII столѣтія, то-есть, ко времени, описанному въ самой лѣтописи“²⁾. То обстоятельство, что текстъ рукописи писанъ не одною, а шестью различными руками, даетъ Муханову поводъ сдѣлать такого рода заключеніе: „Печатаемая нами рукопись была сочинена не однимъ (лицомъ), а нѣсколькими, и вѣроятно, шестью, и предположеніе, что диктовалъ одинъ, а писцовъ было нѣсколько, или сочинилъ одинъ, а переписывали нѣсколько, допустить нельзя: слогъ различный, бумага различная, взглядъ и образъ мыслей лѣтописцевъ различные... „Я даже того мнѣнія“, продолжаетъ Мухановъ,— „что Филаретовская рукопись составлена изъ нѣкоторыхъ современныхъ хроникъ, которыя были ведены различными лицами, иногда и въ разныхъ мѣстахъ, и впоследствии составлены и склеены въ одинъ столбецъ“³⁾.

Мы никакъ не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ заключеній Муханова и позволяемъ себѣ считать его утвержденія совершенно голословными. Вопервыхъ, на какомъ основаніи думаетъ онъ, что рукопись была писана въ разныхъ мѣстахъ Россіи? Развѣ въ рукописи встрѣчается что-либо такое, по чему можно было бы заключить, что одинъ изъ ея составителей несомнѣнно житель какого-нибудь другаго города, а не Москвы? Развѣ въ этой рукописи попадаются извѣстія, такъ сказать, не московскія? Напротивъ, въ ней описывается только то, что происходило подъ Москвой, около нея, или же то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ городу Москвѣ, къ ея освобожден-

1) Сборникъ, прим., стр. XXXI. По мнѣнію Муханова, почеркъ этой надписи заставляетъ отнести ее къ половинѣ XVII столѣтія.

2) Сборникъ, прим., стр. XXXI и XXXII.

3) Сборникъ, прим., стр. XXXII.

нію отъ власти иномцевъ; извѣстій же, касающихся спеціально какого-нибудь другаго города, или какой-нибудь мѣстности, находящейся внѣ Москвы, подробностей, по которымъ можно было бы заключить, что извѣстная часть рукописи составлена вблизи извѣстной мѣстности, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ. На этомъ самомъ основаніи мнѣніе Муханова о томъ, что рукопись составлена въ разныхъ мѣстахъ, принято быть не можетъ.

Вовторыхъ, не можемъ согласиться и съ тѣмъ положеніемъ Муханова, что рукопись, приписываемая патриарху Филарету, составлена изъ нѣсколькихъ, склеенныхъ въ одинъ столбецъ, хроникъ. Изъ сколькихъ? Если составителей было шестеро, то и хроникъ должно бы насчитать шесть. Но это совершенно невѣрно, такъ какъ есть положительныя доказательства, что рукопись составляетъ нѣчто цѣльное, и что составители ея были скорѣе всего переписчиками съ какого-то отдѣльнаго произведенія, принадлежащаго одному автору. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, если обратимъ вниманіе, напримѣръ, на слогъ этой рукописи. Хотя Мухановъ и утверждаетъ, что слогъ каждаго изъ писцовъ различенъ, но лично мы, тщательно прослѣдивъ слогъ всей рукописи и обративъ вниманіе на многія совершенно сходныя выраженія, встрѣчающіяся у нѣсколькихъ писцовъ, пришли къ совершенно противоположному убѣжденію. Приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ выраженій. Напримѣръ, у одного переписчика говорится: „Той жъ князь Дмитрей Ивановичъ повелѣніе царево радостно воспріемлетъ, и путному шествію касаетца. Воинстѣи же людіе повелѣнію цареву повинуютца и во слѣдъ воеводы своего грядутъ и дошедъ до града до Болхова“... ¹⁾). Совершенно такія же выраженія, только нѣсколько въ другомъ порядкѣ, встрѣчаются и у другаго переписчика: „По сему жъ совѣту гетманъ воинство уряжаетъ и воеводъ имъ пана Зборовскаго поставляетъ и путному шествію касатися повелѣваетъ. Панъ же Зборовскій повелѣнію гетманову повинуетца и путь радостно воспріемлетъ, и дошедъ до града Зубцова“... ²⁾). Еще выраженіе: „и ту брань смертную спускають“... ³⁾, и у другаго переписчика: „такъ брань смертную спускають“... ⁴⁾. Выраженія эти, отличающіяся нѣкоторымъ поэтическимъ колоритомъ, не принадлежатъ къ числу весь-

¹⁾ Сборникъ, стр. 278, л. 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 281, л. 15.

³⁾ Тамъ же, стр. 290, л. 25; стр. 273, л. 8; стр. 316, л. 51.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 311, л. 45; стр. 313, л. 48.

ма обыкновенныхъ и потому не легко могли встрѣтиться у нѣсколькихъ авторовъ; весьма трудно ожидать, чтобы нѣсколькимъ лицамъ, писавшимъ въ разныхъ мѣстахъ, пришло на мысль употребить одно и то же, болѣе или менѣе необыкновенное выраженіе, вздумалось говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ; гораздо вѣрнѣе будетъ предположить, что всѣ эти выраженія принадлежатъ одному лицу, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣчаются у того и другаго переписчика по нѣскольку разъ.

Замѣчательно также употребленіе нѣсколькими писцами совершенно одинаковыхъ эпитетовъ: „Той жъ Михайло ¹⁾, яко крѣпкій поборникъ и разсмотрительный воевода...“ ²⁾, и у него же въ другомъ мѣстѣ о Прокофѣ Ляпуновѣ: „Той жъ бодренный разсмотрительный воевода, всего Московскаго воинства властель...“ ³⁾; а у другаго переписчика: „разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода Михайло...“ ⁴⁾. Очень оригинальное выраженіе, встрѣчающееся нѣсколько разъ у одного писца: „Поляцы жъ силу восхищаютъ и усты меча гонять...“ ⁵⁾, повторяется также нѣсколько разъ и у другаго: „Московстіи воины... смертне враговъ своихъ уязвляють, силу восхищаютъ и усты меча гонять...“ ⁶⁾. „Силу восхищаютъ и усты меча гонять...“, то-есть, одолѣвають и съ крикомъ (устами) прогоняють вооруженныхъ мечами—выраженіе, въ которомъ несомнѣнно проглядываетъ привычка автора употреблять рѣчь такъ-называемую украшенную, съ оборотами не всегда сразу понятными; поэтому странно было бы приписать приведенное выраженіе, встрѣчающееся у нѣсколькихъ писцовъ, разнымъ авторамъ; должно предположить, и это будетъ вѣрнѣе, что авторъ этихъ выраженій одинъ.

Еще замѣчательнѣе совершенно одинаковыя сравненія, употребляемыя нѣсколькими писцами; такъ, у одного выраженіе: „скачетъ по полкомъ всюду, аки левъ рыкая...“ ⁷⁾ употреблено относительно Про-

¹⁾ Михайло Борисовичъ Шеинъ.

²⁾ Сборникъ, стр. 285, л. 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 312, л. 46.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 287, л. 22; говорится о Михаилѣ Васильевичъ Скопинѣ-Шуйскомъ.

⁵⁾ Сборникъ, стр. 321, л. 57; стр. 291, л. 26.

⁶⁾ Сборникъ, стр. 322, л. 57; стр. 314, л. 48; стр. 312, л. 46.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 312, л. 46.

кофія Ляпунова, а у другаго: „скачетъ по полкомъ всюду, аки левъ рыкая на своихъ...“¹⁾ относительно гетмана „Хатъева“.

Кромѣ этихъ выраженій, можно привести и много подобныхъ, которыя подтверждаютъ, что слогъ у нѣсколькихъ писцовъ совершенно одинаковъ, но мы ограничимся вышеуказанными, и сверхъ того, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что описанія нѣкоторыхъ событій у разныхъ писцовъ рукописи поражаютъ своимъ сходствомъ; такъ, напримѣръ, при описаніи сраженій у нѣсколькихъ писцовъ не только встрѣчаются вполне сходные обороты рѣчи, но даже и порядокъ этихъ описаній почти вездѣ одинаковъ.

Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, тотъ „различный слогъ“, о которомъ говоритъ Мухановъ? Думаемъ, что на основаніи вышеприведеннаго можно заключить, что различія въ слогѣ разныхъ частей рукописи не существуетъ. Напротивъ того, одинаковость слога въ частяхъ рукописи, писанныхъ различными почерками, заставляетъ насъ признать, что слогъ ея составляетъ принадлежность одного лица, а потому можно предполагать, что, за исключеніемъ впрочемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, мы имѣемъ въ этой рукописи нѣчто цѣлое, принадлежащее одному автору. Въ этомъ мы убѣждаемся также и изъ разсмотрѣнія того образа мыслей, который вообще проведенъ въ разбираемомъ сочиненіи.

Относительно образа мыслей и воззрѣній составителей рукописи Мухановъ говоритъ слѣдующее: „Лѣтописецъ, написавшій листы 1-й, 2-й, 7-й, 13-й, 29-й, 30-й, если не былъ пристрастенъ, то по крайней мѣрѣ, былъ весьма хорошо расположенъ къ Шуйскому; этотъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ партіи Шуйскаго и сочинилъ лѣтопись о его царствованіи...“ Въ подтвержденіе этого Мухановъ приводитъ слѣдующее: „Стоитъ только прочесть листы: 1-й—объ избраніи Шуйскаго, 14-й—о воинственномъ порывѣ Шуйскаго, и листы 29-й и 30-й, на которыхъ описаны сверженіе Шуйскаго съ престола и постриженіе его“²⁾. Дѣйствительно, если мы всмотримся въ мѣста, указанныя Мухановымъ, а также и въ другія мѣста рукописи, писанныя тѣмъ же самымъ почеркомъ, то должны будемъ прійти къ тому же заключенію, какое сдѣлано и Мухановымъ, а именно: въ части рукописи, написанной первымъ писцомъ, проглядываетъ несомнѣнное и полное сочувствіе автора къ Шуйскому.

¹⁾ Тамъ же, стр. 321, л. 57.

²⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXII, и текстъ, стр. 263, 264, 279, 280, 281, 293 294 и 295.

Относительно образа мыслей и взгляда втораго переписчика Мухановъ говоритъ такъ: „Около половины столбца (тридцать листовъ: 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й и т. д.) принадлежать второму лѣтописцу; его нельзя обвинять, какъ перваго, въ пристрастїи къ Шуйскому“ ¹⁾. Но на чемъ же Мухановъ основываетъ это мнѣніе? По всей вѣроятности, на томъ мѣстѣ рукописи, гдѣ о Васильѣ Шуйскомъ говорится слѣдующее: „Царь Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюбилъ его (Скопина) за сію бывшую побѣду“ ²⁾. Дѣйствительно, такъ не могъ говорить о В. Шуйскомъ человекъ къ нему пристрастный, его приверженецъ. Но все же дѣлать заключеніе на основаніи одного только этого мѣста рукописи будетъ по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ. Поэтому, прежде чѣмъ согласиться или не согласиться съ Мухановымъ относительно этого заключенія, мы считаемъ необходимымъ просмотрѣть тщательно все, что написано рукою втораго писца.

Сказавъ о желаніи Болотникова сдѣлать нападеніе на Москву, авторъ продолжаетъ: „Царь жъ Василей Ивановичъ, имѣя Бога помошника, ни мало не усумнися о семъ, но милостивъ и досотворяетъ и посылаетъ къ нимъ ³⁾, да престанетъ коварство ихъ безъ крови“ ⁴⁾. Если авторъ говоритъ, что на сторонѣ Василя Шуйскаго Богъ, само Провидѣніе, то очевидно, по его мнѣнію, дѣло Шуйскаго было совершенно правое; очевидно, стало быть, что тутъ пишетъ лицо, которое хотъ нѣсколько держитъ сторону Шуйскаго, хотъ отчасти принадлежитъ къ его приверженцамъ. То же самое подтверждаютъ и другія мѣста рукописи, писанныя вторымъ почеркомъ; такъ, сказавъ объ отступленіи Болотникова въ Калугу, авторъ говоритъ: „Подвижеса самъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русїи, вземъ Бога на помощь, поиде смирити непокоряющихся ему и крамолы ихъ упразднитъ“ ⁵⁾. Замѣтимъ еще одно мѣсто: описавъ появленіе втораго самозванца, авторъ говоритъ: „Слышано жъ бысть царю Василью, царь жъ Василей ни мало сего ужасеса, но упова на волю Божию... рече...“ ⁶⁾. Подчеркнутыя нами выраженія имѣютъ тотъ же самый смыслъ, то же самое значеніе, какъ и первое.

¹⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXII.

²⁾ Сборникъ, стр. 287, л. 22.

³⁾ Къ Болотникову и его войску.

⁴⁾ Сборникъ, стр. 273, л. 8.

⁵⁾ Сборникъ, стр. 275, л. 11.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 277, л. 12.

Далѣе. Послѣ описанія побѣды, одержанной Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ около Александровской слободы, авторъ продолжаетъ: „Рустіи жь людіе, которые, забывъ свое крестное цѣлованіе, бѣгали въ Тушино, видя свое конечное житіе и недоумѣвахуся, что сотворити о своей имъ погибели, и придоша на Москву къ государю въ стыдѣ и въ срамѣ велице; и многу плачу и рыданію бывшу, непамятозлюбивый же государь, видяи же плачь и рыданіе бывшу, не воспомяну имъ таковаго беззаконія, но всѣхъ прощая и милость свою показуя и всѣмъ вину отдавая...“¹⁾

Прочитавъ это описаніе борьбы Шуйскаго съ его врагами, всякій долженъ убѣдиться въ томъ, что составитель этого описанія несомнѣнно стоитъ на сторонѣ Василя; мы думаемъ, что еслибъ авторъ не былъ сторонникомъ Шуйскаго, то онъ не сказалъ бы о немъ, что царь, будучи непамятозлюбивымъ, всѣхъ прощаетъ и милость свою показываетъ; думаемъ также, что авторъ не назвалъ бы поступокъ противниковъ Шуйскаго беззаконіемъ. Ясно, значить, что авторъ не стоитъ на сторонѣ этихъ отступниковъ и вполне обвиняетъ ихъ поступокъ по отношенію къ Шуйскому. Вслѣдствіе того намъ весьма понятно то выраженіе, которое авторъ употребилъ въ другомъ мѣстѣ рукописи: „Царь Василей повелѣ воеводамъ и воинству препоясаться оружіемъ браннымъ и идти на то безумное воинство...“²⁾ Тѣхъ, которые идутъ противъ Василя Шуйскаго, авторъ имѣлъ полное право назвать безумными, потому что, по его мнѣнію, на сторонѣ Шуйскаго стоитъ само Провидѣніе, сопротивляться которому было бы, безъ сомнѣнія, безуміемъ. О приверженцахъ Лжедмитрія II авторъ выражается такъ: „Людіе жь тоя Сѣверскія страны, шетаяся умы своими, яко пьяніи или яко младенцы, покоряющесе ему и съ радостію послѣдоваху ему, якожъ и презнему врагу Гришкѣ, ко своей имъ погибели“³⁾. Но вотъ что говоритъ авторъ о той толпѣ, которая требовала низведенія Василя Шуйскаго съ престола: „Московстіи жь народи омрачашася умомъ и крестное цѣлованіе преступиша и совѣтъ неблагъ совѣщаше на своего благодателя и по о Бозѣ свободителя и всколебашесь аки пьяніи на государя царя и великаго князя Василя Ивановича, и мнози невейгласы приходяху ко правителемъ и градодержцемъ, сіирѣчь къ боляромъ, коварствуя много на

¹⁾ Тамъ же, стр. 284 и 285, л. 20.

²⁾ Сборникъ, стр. 273, л. 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 277, л. 12.

него: да сведуть царя Василья зъ государства. Боляро жъ много-мудрыми словеса увѣщавая ихъ да предстануть отъ сихъ, и глаголаше имъ: „О людие Московстїи! предстаните отъ такового начина-нїя, видѣте како насъ Богъ наказалъ...“¹⁾ Эпитеты: омрачившіеся умомъ, преступившіе крестное цѣлованіе, пьяніи, коварствующіе, — которыми авторъ клеймитъ недоброжелателей Василия Шуйскаго, должны, кажется, убѣдить всякаго въ томъ, что авторъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ относится къ возставшимъ противъ Шуйскаго, который, по его мнѣнію, былъ для нихъ „благодателемъ, по о Бозѣ свободителемъ“. Еслибъ авторъ не былъ приверженцемъ Шуйскаго, то онъ не выразился бъ о тѣхъ, которые заступались за Василия, въ такихъ словахъ: „боляро жъ многомудрыми словеса увѣщавая ихъ, да предстануть отъ нихъ“. А вотъ какъ авторъ въ другомъ мѣстѣ выражается о тѣхъ, которые хотятъ признать королемъ Владислава и низвести Василия: „и инїи жъ враждотворцы, на покояніе не-обратницы, не точію милости хотяху получитьи, но паче горше беззаконїя учиниша, не по совѣту бо своея земли и остави государя своего царя Василья и поидоша въ Литву къ Литовскому королю, просити сына на Москву, въ нихъ бѣ первый тому богостудному дѣлу начинатель Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ, иже въ Литвѣ злѣ душу свою испроверже, разсѣдеса утроба его, яко второму Арію еретику, да дьяки Василей Яновъ, Ефимъ Витовтовъ и инїи мнози безбожнїи...“²⁾

Приведенныхъ выписокъ, думаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться, что мнѣніе Муханова относительно свободнаго отъ пристрастія взгляда втораго писца на Шуйскаго невѣрно; напротивъ, есть, кажется, полное право утверждать, что авторъ вполне сочувствуетъ Василию, держитъ его сторону, однимъ словомъ, является приверженцемъ его партїи.

Какъ же теперь объяснить то обстоятельство, что у втораго же писца встрѣчается то мѣсто, о которомъ мы уже говорили выше, и на основанїи котораго Мухановъ вывелъ свое заключенїе о несочувствїи автора къ Василию Шуйскому? Дѣйствительно, слова автора: „Василїй наполнися зависти и гнѣва и не возлюбїи его (Михаила Скопина) за сію бывшую побѣду...“ вполне противорѣчатъ всему, что раньше было высказано имъ о Василѣ Шуйскомъ. Какъ же могло лицо, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 293, л. 28.

²⁾ Сборникъ, стр. 289, л. 24; стр. 290, л. 25.

разившее свое полное пристрастіе къ Шуйскому, сказать въ то же самое время и эти слова, непріятныя, безъ сомнѣнія, для царя, но быть можетъ, скрывающія горькую истину. Поэтому мы думаемъ, что если все то, что мы привели изъ написаннаго вторымъ писцомъ, дѣйствительно принадлежитъ ему самому, то слова нашей послѣдней цитаты, какъ противорѣчація всему остальному, принадлежать ему не могутъ, и должно предположить, что слова эти выписаны имъ изъ какого-нибудь другаго источника, который былъ у него подъ рукой; однимъ словомъ, это есть ни что иное, какъ вставка. А коль скоро это вставка, то такое обстоятельство служитъ для насъ лучшимъ доказательствомъ того высказаннаго нами положенія, что изслѣдуемая рукопись не есть нѣчто составленное изъ различныхъ совершенно отдѣльныхъ хроникъ, а списана съ чего-то, при чемъ—какъ это уже доказано одинаковостью слога—источникъ, послужившій для нея, составлялъ одно произведеніе, принадлежащее одному автору.

Дѣйствительно, до насъ дошло такое произведеніе, которое можно признать источникомъ и для изслѣдуемой нами рукописи; это именно хронографъ особаго состава тобольскаго боярскаго сына Сергѣя Кубасова.

II.

Трудъ Сергѣя Кубасова озаглавленъ такъ: „Гранографъ сирѣчь Лѣтописецъ отъ сотворенія свѣта“; событія въ немъ доведены до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича ¹⁾. По содержанію своему хронографъ этотъ распадается на двѣ неравныя части: одна заимствована главнымъ образомъ изъ хронографа первой редакціи, лѣтописей и другихъ немногихъ источниковъ; другая—оригинальная, принадлежащая самому автору, начинающаяся отъ царствованія Ивана Васильевича Грознаго и идущая до конца хронографа.

Оставляемъ въ сторонѣ первую часть хронографа Сергѣя Кубасова, такъ какъ она по своему содержанію не имѣетъ никакого отно-

¹⁾ *Андрей Поповъ*, Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, вып. 2-й, стр. 231. По словамъ изслѣдователя, за утратою Демидовскаго списка этого хронографа, остаются известными только два списка: одинъ—въ Московскомъ публичномъ музее изъ вновь приобретеннаго собранія рукописей Пискарева, въ листъ, XVII в., на 705 л.; другой—принадлежащій самому изслѣдователю, въ листъ, XVII же в., полууставнаго письма. Мы, съ своей стороны, можемъ указать еще на одинъ списокъ хронографа Кубасова, который хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библиотeki. По этому списку графъ Раstopчинъ напечаталъ въ 1863 г. одно изъ сказаній о Лжедмитрѣвѣ.

шенія къ той эпохѣ, которая описывается въ изслѣдуемой нами рукописи; но остановимся на второй его части, которая притомъ самостоятельная ¹⁾. Эта часть носитъ у Кубасова по списку, принадлежащему А. Н. Попову, слѣдующее заглавіе: „Повѣсть книги сея отъ прежнихъ лѣтъ о началѣ царствующаго града Москвы, и о корени великихъ князей Московскихъ, и о пресѣченіи царскаго корени отъ Августа царя, и о настатѣ Бориса царя, и о приходѣ богомерзкаго еретика Гришки Отрепьева Ростриги на царствующій градъ, и о началѣ его, и убіеніи его, и о мятежи во царствующемъ градѣ и о пришествіи Литвы, и о разореніи царствующаго града Москвы отъ безбожныхъ Ляховъ, и о взятіи царствующаго града Москвы собраніемъ и попеченіемъ всего православнаго Россійскаго христіанства, и о избраніи на царствующій градъ Москву и на всѣ Россійскіе государства царя Михаила Ѳеодоровича, и о возрастѣ и о мужествѣ, и о правахъ прежнихъ царей царствующаго града Москвы“. Вотъ этотъ-то самый хронографъ и легъ въ основаніе при составленіи изслѣдуемой нами такъ-называемой рукописи Филарета.

Что именно хронографъ Кубасова послужилъ источникомъ для рукописи, а не на оборотъ, это подтверждается слѣдующими данными: Въ рукописи, приписываемой патриарху Филарету, есть множество вставокъ и противорѣчій: ясно, что это произведеніе не самостоятельное, не оригинальное. Напротивъ того, какъ собственныя слова Кубасова, такъ и то впечатлѣніе, которое выносишь послѣ прочтенія его труда, заставляютъ прійти къ заключенію, что вторая часть его труда ²⁾ представляетъ сочиненіе вполне самостоятельное; разказъ этой повѣсти вполне цѣльный, безъ всякихъ противорѣчій и вставокъ; повсюду выдержанъ одинаково вѣрный взглядъ на совершавшіяся въ то время событія (напримѣръ, на царствованіе Годунова, на царствованіе Василія Шуйскаго). Цѣлостность разказа вполне подтверждается

¹⁾ Эта часть напечатана А. Н. Поповымъ въ его Изборникѣ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 283—315.

²⁾ Что эта часть хронографа составлена Кубасовымъ вполне самостоятельно, явствуетъ изъ его виршей, приложенныхъ въ концѣ хронографа, и въ которыхъ авторъ говоритъ о себѣ, какъ о «слагателѣ лѣтописной книги о походе Чудовскаго монаха», слѣдующее:

онъ самъ сіе существенно видѣлъ,

И иные его вещи отъ изыщныхъ безприкладно слышалъ.

(Изборникъ, стр. 314—315).

и языкомъ его: всюду одни и тѣ же выраженія, одни и тѣ же обороты рѣчи, во многихъ мѣстахъ масса вполне сходныхъ описаній. Что касается рукописи, приписываемой патріарху Филарету, то въ ней можно указать на слѣдующія противорѣчія и вставки:

1) Въ рукописи, согласно съ хронографомъ Кубасова ¹⁾, о вступленіи Польскаго короля Сигизмунда въ предѣлы Россіи говорится слѣдующее: „Въ то жъ время, настоящія сія години, придоша король Польскій Жигимонтъ подь славный градъ Смоленскъ со множествомъ воинъ избранныхъ, въ силѣ мощи своея облегоша весь градъ, и начаша по граду исъ пушекъ бити, и розсыпа стѣны градскія и строеньицы высокія низу опроверже“ ²⁾. Затѣмъ и далѣе ³⁾ о королѣ Польскомъ говорится, что онъ стоялъ подь Смоленскомъ, осаждая его (также согласно съ хронографомъ Кубасова) ⁴⁾: „Той жъ король Польскій, егда стояху во обступленіи града Смоленска, и посла послось.....“. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько страницъ, гдѣ списывавшій захотѣлъ отступить отъ хронографа и вставить разказъ о признаніи измѣнниками царемъ Владислава ⁵⁾ (чего въ хронографѣ Кубасова нѣтъ), авторъ, возвращаясь опять къ Сигизмунду, позабылъ совсѣмъ о томъ, что онъ уже выше привелъ короля подь Смоленскъ, и потому снова говоритъ: „Король... приде подь Смоленскъ со многою силою, а подь Москву посла етмана Станислава Желковскаго...“ ⁶⁾. Позднѣйшій поправщикъ, замѣтивъ это повтореніе, зачеркнулъ слово „приде“ и написалъ вмѣсто него „стоя“ подь Смоленскомъ.

2) Въ рукописи о сраженіи при Клушинѣ, *не* по хронографу Кубасова, говорится такъ: „Егда жъ стояху въ томъ селѣ сила Московская и Нѣмецкая, и приде на нихъ Литовскій етманъ со многою Литовскою силою и сраженію бывшу тогда, грѣхъ ради нашихъ, Нѣмецкіе люди выдоша Московскихъ людей, не начаша помогати; Литва жъ видя въ нихъ несогласіе и начать напорно притужати...“ ⁷⁾. А затѣмъ опять разказывается о томъ же сраженіи уже дословно по хронографу Кубасова: „И сошедшимся има въ селѣ Клушинѣ и ту

¹⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 302.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 285, л. 20.

³⁾ Тамъ же, стр. 286, л. 21.

⁴⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 302.

⁵⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 289, л. 24.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 290, л. 25.

⁷⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 290, л. 25.

брань смертнѹю спущають...“¹⁾ Далѣ же еще разъ говорится и объ измѣнѣ Нѣмцевъ: „Тогда жѣ грѣхъ ради нашихъ учинися рознь: воинствіе Нѣмецкіе люди Московскихъ людей выдоша...“²⁾.

3) Передавъ рѣчь московскихъ пословъ, просившихъ у Сигизмунда дозволенія его сыну вступить на Московскій престолъ, Кубасовъ говоритъ далѣ слѣдующее: „Сія вся словеса король слышавъ, яко повелѣвають ему послы отступить отъ Смоленска града, скоро разжегся яростію...“³⁾. Въ такъ называемой же Филаретовой рукописи здѣсь находится вставка, хотя небольшая, но тѣмъ не менѣ весьма замѣтная, такъ какъ при этомъ не выдержано даже синтаксической послѣдовательности рѣчи: „Сія вся словеса король слышавъ... (ясно, что здѣсь что-то не dokonчено, потому что недостаетъ главной мысли, главного предложенія, а затѣмъ разказъ продолжается такъ: „Возбожннй жѣ король вознесся мыслію и помрачися умомъ, тмоу прелести и сына своего на Московское государство обѣщеваетъ дати; въ серцы жѣ своемъ нелѣпная помышляше: дабы православіе соединить съ латынствомъ“). Затѣмъ опять повтореніе того, о чемъ было уже говорено: „Послы жѣ начаша глаголати: дабы отъ Смоленска отступилъ и далъ бы покой христіанству“. Далѣ продолжается прерванный разказъ Кубасова вполне по его хронографу: „Слышавъ же король, яко повелѣвають ему послы отступить отъ Смоленска града, скоро разжегся яростію...“⁴⁾.

Однимъ словомъ, какъ только составитель рукописи отстѹпаетъ отъ хронографа Кубасова, такъ онъ почти всегда спутывается и противорѣчить тому, что говорилъ раньше, придерживаясь хронографа. Такъ, сказавъ, что „придоша къ царю Василью на помочъ Смольяне“, авторъ далѣ сбивается и примѣшиваетъ Смольнянъ уже къ недругамъ Василія Шуйскаго, вмѣстѣ съ жителями Сѣверской области: „воеводы же царевы съ воинствомъ возвращающца во градъ

¹⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 303. Замѣчательно, что составитель рукописи, списывая съ хронографа Кубасова о начавшемся сраженіи употребляетъ поэтическое выраженіе «и ту брань смертнѹю спущають», но когда онъ предоставляетъ себя своимъ собственнымъ силамъ и описываетъ сраженіе помимо хронографа Кубасова, то начинаетъ говорить другимъ языкомъ и замѣняетъ поэтическое выраженіе Кубасова своимъ собственнымъ прозаическимъ: «и приде на нихъ Литовскій етманъ со многоу Литовскою силоу и сраженію бывшу тогда».

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 291, л. 26.

³⁾ Изборникъ *А. Попова*, стр. 305.

⁴⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 299, дл. 33 и 34.

радостны зѣло, яко побѣдницы суть, а Сѣверскіе жъ людіе и Смольняни гнаша по нихъ...“¹⁾

Отступая отъ хронографа Сергѣя Кубасова, составитель рукописи во многихъ мѣстахъ теряетъ и хронологическую послѣдовательность разказа; такъ, сказавъ о дѣятельности Минина и Пожарскаго²⁾, онъ переходитъ затѣмъ³⁾ къ описанію смерти Ермогена (январь, 1612 г.), а потомъ сейчасъ же⁴⁾ сообщаетъ о приходѣ Сигизмунда къ Волоколамску и о неудачѣ, постигшей короля Польскаго подъ этимъ городомъ⁵⁾, чтò относится уже къ концу того же года (ноябрь 1612 г.) и случилось уже слишкомъ мѣсяцъ спустя по взятіи Китай-города и Кремля; объ этомъ же послѣднемъ событіи онъ говоритъ послѣ и относитъ взятіе Китай-города къ 22-му октября, а занятіе Кремля тремя днями позже (между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ рукописи⁶⁾ взятіе Кремля отнесено имъ къ 22-му же октября); затѣмъ составитель опять возвращается назадъ и приводитъ русское ополченіе къ городу Москвѣ, гдѣ Русскіе вступаютъ въ бой съ Хоткѣвичемъ (августъ 1612 г.)⁷⁾; потомъ идетъ снова разказъ о тягостномъ положеніи Поляковъ въ Китай-городѣ и Кремлѣ и говорится о занятіи этого послѣдняго (22-го октября).

Только при посредствѣ хронографа Кубасова мы можемъ объяснить себѣ нѣкоторыя, вовсе непонятныя для насъ вслѣдствіе пропусковъ, мѣста рукописи; такъ, сказавъ о выпускѣ лишняго народа изъ Китай-города, составитель рукописи далѣе говоритъ: „Воеводы жъ и начальницы московскаго собранія снисдошася купно на реченное мѣсто. На площади все воинство ихъ, посреди же ихъ стоитъ начальный воевода и властелинъ, панъ Трусь, мужъ великой храбрости и многово разсужденія. Сей жъ Струсь, помаявъ рукою и повелѣвъ всѣмъ молчати и отверзъ уста своя, глаголаше: „Мужіе польскаго народу, полковницы и ротмистры славнаго рыцарства, въ крузѣ настоящаго сего собранія... Подайте ми совѣтъ благъ, дако избыти можемъ отъ немилостиваго сего меча врагъ нашихъ, понежъ дажъ не воскипѣлъ во крови нашей?“ Поляцы жъ вси единодушно воздвигоша гласы своя, да по-

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 273, л. 8.

²⁾ Стр. 317 и 318, лл. 52 и 53.

³⁾ Стр. 319, л. 54.

⁴⁾ Стр. 319, л. 55.

⁵⁾ Стр. 320, л. 55.

⁶⁾ Стр. 328, л. 64.

⁷⁾ Стр.: 320, 321, 322 и 323, лл.: 56, 57, 58 и 59.

шлюцца послы къ воеводамъ и властямъ московскаго воинства, просити отъ нихъ милосердія“... 1). Изъ этого мѣста рукописи выходитъ, что Струсь, находясь среди московскаго воинства, обращается къ Полякамъ, находящимся „въ кружѣ настоящего сего собранія“ за совѣтомъ, какъ имъ (Струсю и Полякамъ) освободиться отъ меча враговъ ихъ (московскихъ воиновъ, здѣсь стоящихъ); а Поляки отвѣчаютъ единодушно, что для этого надо отправить пословъ къ воеводамъ московскаго воинства (здѣсь же находящимся). Это мѣсто рукописи, со всѣмъ лишенное смысла, дѣлается совершенно понятнымъ при сравненіи его съ хронографомъ Сергѣя Кубасова; сказавъ о принятіи московскимъ воинствомъ плѣнныхъ, выпущенныхъ изъ Китай-города, авторъ хронографа продолжаетъ: „Воеводы и начальницы московскаго собранія (видя враги свои оскудѣваемы и повелѣвъ всему воинству ко граду Китаю приступить... и тако взяту бывшу тому граду Китаю, и елико въ немъ людей обрѣтають и тако мечемъ погубляють и сопровица ихъ грабятъ. Поляцы же устремленія Москвичъ подняти не могутъ, бѣгутъ до внутренняго града превысоко во Кремля и тамо врата утврждаютъ крѣпкими запоры, Московстии же воины, яко львы рыкая скорятъ ко вратомъ градцкимъ превысоково Кремля уповая отомщенія врагомъ своимъ немедленно воздати, и тако ужасни быша Поляцы и не возмогоша оружія своя подняти, стѣны градскія оставляють и бѣгаютъ сѣмо и овамо и недоумеваяся како быти отъ посекаемаго меча могли избыти и тако) снисдоша вкупе на уреченное мѣсто на площади все воинство, посреди же ихъ стоитъ начальный воевода и властель панъ Струсь мужъ великіе храбрости“ и пр. 2). Сопоставляя вышеприведенное мѣсто рукописи съ соответствующимъ мѣстомъ изъ хронографа Кубасова, видимъ, что переписчикъ рукописи искажилъ факты, пропустивъ изъ хронографа Кубасова все то, что помѣщено нами въ скобкахъ; а этотъ пропускъ и уличаетъ составителя рукописи въ пользованіи трудомъ Кубасова.

4) Въ хронографѣ о появленіи Тушинскаго вора говорится такъ: „Малу жъ времени минувшу, яко бы едину три мѣсяцы, проявился въ Сѣверскихъ градахъ мятежникъ нѣкій, прозвася царевичемъ Дмитреемъ“... 3). Составитель рукописи, слѣдуя вполнѣ хронографу, дописалъ слово „прозвася“, а затѣмъ, желая прибавить свою собственную

1) Стр. 324, л. 61, и 325, л. 62.

2) Изборникъ, А. Попова, стр. 311.

3) Изборникъ Попова, стр. 297.

фразу: „ему жъ имя невѣдомо и до днесь“¹⁾, зачеркиваетъ „прозвася“, вписываетъ эту фразу и потомъ опять продолжаетъ по хронографу. Это-то зачеркнутое и обличаетъ составителя въ томъ, что онъ пользовался трудомъ Кубасова.

5) У Кубасова употреблено выраженіе: „спустиша брань велію“²⁾. Переписчикъ рукописи началъ вмѣсто „велію“ писать „великую“ но дописавъ только велик, одумался, зачеркнулъ слогъ *ик* и затѣмъ рядомъ же приписалъ конецъ формы, употребленной Кубасовымъ: *вел(ик)ію*³⁾.

6) Въ рукописи, приписываемой патриарху Филарету, есть много мѣстъ, какъ видно, испорченныхъ, которыя объясняются вполне удовлетворительно, только если обратимъ вниманіе на соотвѣтствующія мѣста въ хронографѣ Кубасова: прямое доказательство того, что составитель рукописи, не понявъ того или другаго мѣста въ хронографѣ, которымъ онъ пользовался, написалъ это мѣсто по-своему, чѣмъ, конечно, извратилъ первоначальный смыслъ его. Такъ, въ хронографѣ Кубасова о началѣ осады Смоленска Сигизмундомъ говорится слѣдующее: „Король Польскій Жигимонтъ облагоша весь градъ и начаша по граду изъ пушекъ бити и разсыпа стѣны градскія и стрѣльницы высокія низу опроверже“⁴⁾. Писецъ рукописи, вѣроятно, не разобралъ, а можетъ быть, и совсѣмъ не понялъ слова: „стрѣльницы“, и вмѣсто него написалъ: „строеньицы“⁵⁾. Между тѣмъ эта передѣлка не только измѣняетъ смыслъ, но даже дѣлаетъ это мѣсто не совсѣмъ понятнымъ. Стрѣльница значить укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли, бойница, башня⁶⁾, и намъ понятно, что войско Сигизмунда разрушило городскія стѣны, которыя служили защитой, крѣпостью для города, и укрѣпленія, башни, съ которыхъ осажденные могли поражать врага, стрѣлять въ него; но разрушить городскія стѣны и „строеньицы“, то-есть, маленькія зданія и въ то же время высокія, — одно съ другимъ не вяжется, и совсѣмъ нельзя понять, что хотѣлъ этимъ сказать писавшій.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, что составитель рукописи пользовался хронографомъ Кубасова, а не на оборотъ. Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что руко-

1) Сборникъ *Муханова*, стр. 277, л. 12.

2) Изборникъ *А. Попова*, стр. 296.

3) Сборникъ *Муханова*, стр. 273, л. 8.

4) Изборникъ *Попова*, стр. 302.

5) Сборникъ *Муханова*, стр. 285, л. 20.

6) Словарь Церковно-слав. и русск. яз., изд. Акад. наукъ, т. IV.

пись списана съ хронографа, служить именно та вставка, о которой мы уже упомянули выше, и которая совершенно неумѣстна въ такомъ сочиненіи, гдѣ высказывается сочувствіе къ Василию Шуйскому.

Убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно въ основаніи изслѣдуемой нами рукописи легъ хронографъ Кубасова, намъ слѣдовало бы теперь рассмотреть: въ какомъ видѣ хронографъ Сергѣя Кубасова вошелъ въ составъ этой рукописи? Не подверглось ли что-либо въ немъ измѣненіямъ или передѣлкамъ? Существуютъ ли въ рукописи, сравнительно съ ея источникомъ, какія-нибудь вставки или дополненія? Если существуютъ, то какой характеръ этихъ передѣлокъ и вставокъ?

Но прежде чѣмъ обратиться къ рассмотрѣнію этого вопроса, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ тѣхъ извѣстій, которыя сообщаетъ изслѣдуемая нами рукопись; мы считаемъ это необходимымъ потому, что, какъ намъ кажется, только извѣстнымъ характеромъ разсматриваемой рукописи можно объяснить всѣ тѣ передѣлки, и исправленія, которымъ подвергся хронографъ Кубасова, легшій въ ея основаніе.

Мы думаемъ, что всѣ извѣстія, сообщаемыя этою рукописью, носятъ на себѣ officialный характеръ, и что составитель ея былъ лицомъ officialнымъ. Это можетъ быть подтверждено, во первыхъ, такъ сказать, внѣшнею стороною извѣстій, сообщаемыхъ этою рукописью. Такъ, при упоминаніи о Василіѣ Шуйскомъ, въ ней почти всегда называется полный титулъ его, какъ царя; во многихъ мѣстахъ Василій именуется: „великій государь, царь и великій князь Василей Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ“...¹⁾ Исключеніе могутъ составить только тѣ случаи, гдѣ писецъ прямо списывалъ съ хронографа Кубасова и при этомъ оставлялъ то же простое выраженіе: „царь Василей“, которое всюду употребляется авторомъ хронографа. Съ тѣмъ же полнымъ титуломъ упоминаются въ рукописи и другія царствовавшія лица; такъ, Иванъ Грозный называется: „царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи самодержецъ“; Ѳеодоръ Ивановичъ титулуется также: „Той же великій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ единокровенъ бысть прѣжъ бывшему великому государю, царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи“. Полнымъ же титуломъ называется и патриархъ Филаретъ: „Преосвященнѣйшаго ми-

¹⁾ Сборникъ *Мужанова*, стр. 278, л. 13; стр. 280, л. 14; стр. 265, л. 2 и т. д.

трополита киръ Филарета Никитича... ижъ бо тогда правящаго престолю Ростовскаго и Ярославскаго, днесь же правяща престолу великія соборныя и апостольскія церкви пресвѣтѣйшаго патріарха всея великія Россіи“...¹⁾. Офіціальныи характеръ рукописи можетъ быть засвидѣтельствованъ и тѣмъ, что въ ней встрѣчаются довольно точныя обозначенія года и числа многихъ событій. Это видно, напри- мѣръ, изъ слѣдующаго, вполне вѣрно и точно сдѣланнаго опредѣленія времени вѣнчанія на царство Василя Ивановича Шуйскаго:²⁾, которое составитель взялъ, по всей вѣроятности, изъ какихъ-нибудь документовъ офіціальныхъ.

Вовторыхъ, офіціальная сторона изслѣдуемой нами рукописи проглядываетъ и въ характерѣ тѣхъ офіціальныхъ, довольно казенныхъ выраженій, которыми составитель желаетъ выразить свое сочувствіе къ Василю Шуйскому. Таковы, напри- мѣръ, уже приведенныя нами выраженія: „вземъ Бога на помощь“, „имѣя Бога помощника“, „благоразумный же и долготерпѣливый царь“ и т. д.;³⁾.

Наконецъ, повторяемъ, только офіціальнымъ характеромъ рукописи можно объяснить всѣ сдѣланныя въ ней передѣлки многихъ извѣстій, сообщаемыхъ Сергѣемъ Кубасовымъ. Къ объясненію характера этихъ передѣлокъ, однимъ словомъ, къ сличенію этихъ двухъ памятниконъ мы теперь и приступаемъ.

III.

Въ рукописи, приписываемой патріарху Филарету, недостаетъ начальныхъ листовъ; на первомъ изъ уцѣлѣвшихъ говорится уже объ убійствѣ перваго Лжедмитрія, и притомъ въ немногихъ словахъ, гораздо короче, чѣмъ въ хронографѣ Кубасова. Разказано это самимъ писцомъ, независимо отъ какаго-либо источника, и притомъ составитель, по своему обыкновенію, спутывается и разказываетъ

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 3; 271, л. 7; стр. 329, л. 67; стр. 267, л. 3.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 265, л. 2. Что опредѣленіе времени этого событія сдѣлано совершенно вѣрно, это уже вполне выяснено Мухановымъ (Сборникъ, прим., стр. XXXV, къ л. 2).

³⁾ Офіціальныи характеръ такъ-называемой рукописи Филарета давно уже былъ указанъ С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. IX, изд. 1859 г., стр. 463) и съ его словъ А. Д. Галаховымъ (Исторія Русской словесности, т. I, стр. 240).

весьма неясно ¹⁾. Со словъ же: „въ четвертый же день по убіенію“ ²⁾ начинается разказъ объ избраніи Василя Ивановича Шуйскаго на царство. Посмотримъ же, какъ относится этотъ разказъ къ повѣствованію о томъ же событіи Сергѣя Кубасова. Въ хронографѣ оно описывается слѣдующимъ образомъ: „Въ четвертый же день убіенія Растригина, придоша на лобное мѣсто бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій и со иными многими и собра весь народъ о патриаршескомъ избраніи. Народи же вопіяху напередъ патриарха да изберется царь на царство, и потомъ патриаршеское избраніе произвольно будетъ. Отъ того же боярина князя Василья многіе друзи и совѣтницы посланы въ народъ, и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ на царство его, князя Василья. Тѣ же людіе наустѣша народы, да изберется царь Василей на царскій степенъ, народы же воздвигоша главы своя, да будетъ надъ ними надо всѣми царь Василей Шуйской, и на томъ утвердиша слово, яко же избранъ бысть царь Василей, и по семъ народи розыдошася въ дома своя“ ³⁾.

Изъ приведеннаго разказа явствуетъ, что авторъ желаетъ представить Василя Шуйскаго человѣкомъ, который старается завладѣть престоломъ помощію приверженной къ нему партіи; Василій является у него царемъ, возведеннымъ на престолъ своими приверженцами, а не всѣмъ народомъ Московскаго государства, приверженцами, которые, конечно, хотѣли вліять на него, заправлять имъ. Отсюда же ясно обрисовываются и отношенія Кубасова къ Василю: выставляя на видъ происки его и его партіи, авторъ тѣмъ самымъ даетъ понять, что онъ не одобряетъ подобныхъ дѣйствій и не можетъ относиться къ царю Василю съ сочувствіемъ. Не находимъ нужнымъ приводить изъ другихъ источниковъ доказательства, которыя подтверждали бы справедливость только что переданнаго разказа: громадное большинство изъ нихъ, если не во всемъ, то въ большей части подробностей, вполне сходно съ тѣмъ извѣстіемъ, которое сообщаетъ Кубасовъ. Позволимъ себѣ привести только нѣсколько словъ одного историка, въ которыхъ ясно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма вѣрно выражень взглядъ на Василя Шуйскаго, какъ царя извѣстной партіи:

¹⁾ Это случается не только съ первымъ составителемъ рукописи, но также и съ другими, что и должно быть принято во вниманіе при дальнѣйшихъ указаніяхъ на большую или меньшую степень самостоятельности ихъ въ дѣлѣ составленія рукописи.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 267, л. I.

³⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 294.

„Провозглашенію толпы, только что ознаменовавшей свою силу истребленіемъ Лжедмитрія, никто не осмѣлился противодѣйствовать, и Шуйскій былъ—не скажемъ избранъ, но выкрикнуть царемъ. Онъ сдѣлался царемъ точно также, слѣдовательно, какъ былъ свергнутъ, погубленъ Лжедмитрій, скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, не сказала своего: да,—гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что, когда усердіе клеветовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его“¹⁾.

Безъ всякаго сомнѣнія, приведенный разказъ Кубасова объ избраніи Василія Шуйскаго не могъ войти въ официальную лѣтопись съ такимъ характеромъ; тамъ нельзя было выставить, что Василій былъ избранъ не цѣлою Россіей, не всею даже Москвою, а только нѣкоторою толпою, которою заправляли его приверженцы, или какъ ихъ называетъ Кубасовъ, „многіе друзья и совѣтницы“. Поэтому разказъ Кубасова въ рукописи, приписываемой Филарету, передѣлывается и получаетъ слѣдующую форму: „Въ четвертый жъ день по убіенію отступника отъ православія новаго Лютаря еретика многосевернаго Гриши Отрепьева, маія 19 день придоша на крайнево мѣсто, глаголемое лобное, весь синелить царьскаго величества, митрополити и архіепискупы и епискупы и архимориты и игумены и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства и собрашася весь народъ отъ мала жъ и даже и до велика и нача глаголати о томъ, дабы разослаша грамоты во всѣ окрестныя грады Московскаго государствія, чтобы изо всѣхъ градовъ съѣзжались въ царствующій градъ Москву вси народи для ради царьсково обиранія и да быша избрали въ соборную апостольскую церковь патріарха, кого Богъ благоволитъ о патріаршескомъ избраніи. Народи жъ отвѣщаху: напередъ же патріарха да избретца царь на царство, и потомъ патріаршеское избраніе произвольно будетъ имъ великимъ государемъ; власти же, бояра жъ и ту стоящіе людіе начаша глаголати между собою: яко имъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго онаго еретика Ростриги, ему же нынѣ подобаетъ и царьскій престоль воспріяти. Сія жъ слышавшу и народи вси воздвигоша гласы своя: да

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII (1858 г.), стр. 158; см. также статью В. Иконникова въ сборникъ *Древняя и новая Россія*, 1875 г., № 5, стр. 26.

будеть надъ ними надо всѣми сій князь Василей Ивановичъ, утвержають крѣпце совѣтъ сый и нарекоша его государемъ себѣ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи и по семъ розыдошася въ дома своя¹⁾.

Такимъ образомъ, въ изложеніи официальной лѣтописи избраніе Василя Шуйскаго представляется совершеннымъ въ сколь возможно законной формѣ; желая представить дѣло такъ, будто Василій былъ избранъ всѣмъ народомъ, составитель официальной рукописи измѣняетъ смыслъ того, что сказалъ Кубасовъ, и произвольно обращаетъ выраженіе: „народы воздвигоша гласы своя“ въ другое: „все народы воздвигоша гласы своя...“; не желая, и даже, какъ лицо официальное, не имѣя права высказать, что это избраніе было совершено съ какимъ-либо насиліемъ, авторъ официального разказа, конечно, не упоминаетъ о томъ, что „многіе дружи и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть да изберуть на царство его, князя Василя“; нѣтъ у него упоминанія и о тѣхъ, которые „наустѣша народы, да изберецца царь Василій на царскій степенъ“. На этомъ же самомъ основаніи словъ Кубасова, что Василій „собра весь народъ о патриаршескомъ избраніи“, составитель лѣтописи измѣняетъ въ слѣдующую фразу: „собрашася весь народъ отъ мала жъ и даже и до велика... о патриаршескомъ избраніи“.

Изъ этихъ произвольныхъ передѣлокъ ясно видно, что авторъ рукописи не желаетъ высказать всего того, что на самомъ дѣлѣ происходило; онъ не хочетъ сказать истину, скрываетъ ее, а потому можетъ ли, въ этомъ случаѣ, его разказъ заслуживать довѣрія? Ясно, что нѣтъ.

Что это описаніе избранія Василя Шуйскаго есть не болѣе, какъ прикрашенная передѣлка на свой ладъ, видно отчасти изъ того, что позднѣйшій поправщикъ нашелъ и этотъ разказъ недостаточно изукрашеннымъ; поэтому все то, что слѣдуетъ послѣ словъ: „народы жъ отвѣщаху“, онъ перечеркнулъ и въ замѣнъ перечеркнутаго вписалъ на оборотѣ листа еще болѣе „красивую“ рѣчь народа: „яко напередіи да изберецца самодержавный царь, иже можетъ наше сокрушеніе изцѣлити и раны обязати нанесенныя богонустною язвою неблагочестнаго еретика и зловоннаго вепря, ижъ озоба виноградъ Богомъ насажденный. И сего аще Господь царя открыеть намъ, якожъ древле Саула Израилю, и той убо да изведеть патриарха пастыря Богомъ

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 263, 264, 265 лл. 1 и 2.

снабдимой церкви. И угодно бысть сіе слово предъ всеѣмъ преосвященнымъ соборомъ и предъ царскимъ синклитомъ передъ благочестивыми князи и бояры; и начаша глаголати: яко убо обличитель и посрамитель неблагочестиваго богопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василій Ивановичъ Шуйской, иже и до смерти мало не пострадалъ отъ плотояднаго того медвѣдя, и за избавленіе Російскаго народа живота своего не пощадѣ; по семь же и отрасль благороднаго корени царскаго изчадія великихъ государей Російскихъ; и сего ради, многого ради мужства и благородія, да вручено будетъ ему царствія Російскаго скипетрдержанія. И егда услышася сіе реченіе въ собравшемся народи, и абіе вси народи предстоящи ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ небесе шумящу, или отъ земли возглашающую, воздвигоша гласы своя великими жрѣлы, яко аще рещи земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всеѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣташеся има, вси жъ единогласно глаголюще: „да будетъ царствуя надъ нами царь и великій князь Василей Ивановичъ, иже избавивый насъ отъ надлежащія пагубы свирѣпаго еретика Гришки Отрепьева. И тако всеѣмъ совѣтомъ избраша на Російское самодержество благочестиваго царя Василія“ ...¹⁾

Что эта позднѣйшая передѣлка есть именно измышленное витѣйство составителя, употребленное имъ въ дѣло по приказанію поправщика, видно изъ слѣдующей приписки, сдѣланной послѣднимъ на поляхъ перечеркнутаго имъ выше разказа, вмѣсто котораго и вложена народу эта витѣватая рѣчь: „пополнить и поправить“²⁾. Результатомъ этихъ „пополненій и поправокъ“ явился длинный наборъ книжныхъ фразъ, которыя вовсе не выражаютъ того, что было на самомъ дѣлѣ, и которыми, безъ всякаго сомнѣнія, народъ говорить не могъ³⁾.

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 264 и 265, л. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 264, л. 2.

³⁾ Странно поэтому довѣріе къ только что приведенному описанію избранія Шуйскаго, которымъ позволилъ себѣ увлечься Н. И. Костомаровъ, помѣстившій едва ли не цѣликомъ вышеприведенное изложеніе въ свой во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ: «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка». Описывая избраніе Василія Шуйскаго, онъ воспользовался не только тѣмъ разказомъ, который поправщику рукописи показался не довольно изукрашеннымъ, но даже и тѣмъ, который явился грубо витѣватымъ исправленіемъ перваго. Н. И. Костомарову понравилось, напримѣръ, выраженіе составителя рукописи: «избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго еретика», онъ и помѣщаетъ его въ свое описаніе; ему понравилось также сравненіе

За описаніемъ избранія Василья Шуйскаго на престоль, въ рукописи слѣдуетъ разказъ о вѣнчаніи его, почти совершенно сходный съ повѣствованіемъ о томъ же въ хронографѣ Кубасова; разница только въ томъ, что одни и тѣ же факты, такъ сказать, освѣщены различнымъ свѣтомъ. Приводимъ для сравненія оба разказа вмѣстѣ:

Изборникъ *Потова*, стр. 294.

Царь же наименованный Василей поѣдѣ во градъ и приде въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и молебне пѣніе творяше и отъ радости многа слезы пролия предъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородица Владимірская и по семь поиде въ царскіи покои и тамо пребываше. Боляре же и начальницы вкупе и весь народъ почитаху его по царскому достоянію, яко и прежнихъ великихъ государей, и по мале времени возложи на ся царскій венецъ и помазася миромъ и бысть царь Московскому государству и всей великой Росіи.

Сборникъ *Муханова*, стр. 265, л. 2.

Нареченный же царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи поѣхъ во градъ и приде въ соборную и апостольскую церковь Пречистые Богородица честнаго и славнаго ея Успенія и предъ чудотворною ея иконою Владимірская, слезы проливаетъ отъ очію яко струя и молебные пѣніе совершаетъ и благодареніе воздаетъ царю всѣхъ Богу; и по семь вступаетъ въ царскій чертогъ и скуоетръ царь въ рудѣ своя приемиетъ и восходитъ на свой Богомъ порученный ему царскій и пре ¹⁾ и стичася царскимъ вѣнцемъ.... ²⁾ Боляре жъ и весь царскій синклитъ, вкупѣ жъ и весь народъ Московскаго царствія, поздравляху ему на великомъ государствѣ Російскаго царствія, яко и прежнимъ великимъ государемъ Московскимъ и дары великія принесошаху ему по его царскому достоянію.

Въ означенныхъ курсивомъ выраженіяхъ и заключается разница описаній Кубасова и официального лица; по нимъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, какъ представляютъ Василія Шуйскаго въ своихъ трудахъ оба автора. Въ хронографѣ Кубасова Василій представленъ плачущимъ отъ радости; значить,

Гришки Отрепьева съ плотояднымъ медвѣдемъ, сравненіе, которое, конечно, не было высказано ни однимъ изъ народа, и отвѣтственность за которое падаетъ исключительно на составителя рукописи, и это сравненіе перешло и въ трудъ Н. И. Костомарова (Смутное время, т. II, стр. 3). Любопытно бы знать, почему для художественнаго изложенія историческаго событія нужно жертвовать истиной и пользоваться описаніями, несомнѣнно изукрашенными и вымышленными.

¹⁾ Здѣсь въ рукописи недописка, слѣдуетъ читать престоль.

²⁾ Здѣсь въ рукописи есть кое-какія прибавленія, о которыхъ будемъ говорить ниже.

ему очень хотѣлось завладѣть властью, быть на престолѣ; желаніе его исполнилось: онъ достигъ своей цѣли, и потому онъ внѣ себя отъ радости. Представитъ Василія Шуйскаго человѣкомъ, съ жадностью домогавшимся власти, составитель официальной лѣтописи, конечно, не могъ, а потому какъ нельзя болѣе характеристичное выраженіе Кубасова: „плачетъ отъ радости“ въ официальной рукописи опускается и замѣняется самымъ невиннымъ: „слезы проливаетъ отъ очю яко струя“.

Скрывъ то, что сказалъ о Василіѣ Шуйскомъ Кубасовъ, официальное лицо старается, какъ видно далѣе, расположить читателя въ пользу Шуйскаго, такъ, сказавъ: „Василей... восходитъ на свой Богомъ порученный ему царскій престолъ“, авторъ желаетъ дать понять, что избраніе Шуйскаго было совершено не только всѣмъ народомъ, но что въ этомъ избраніи принимало участіе само Провидѣніе, и что Шуйскій, вступивъ на престолъ, становится подъ защиту верховнаго Промысла, который указалъ народу своего избранника.

На то обстоятельство, что Шуйскій дѣйствовалъ происками и насиліемъ, Кубасовъ намекаетъ и слѣдующимъ выраженіемъ: „по мале времени возложи на ся царскій вѣнецъ“... Что здѣсь заключается именно такой смыслъ, это яснѣе всего видно изъ сопоставленія съ тѣмъ выраженіемъ, которое употреблено составителемъ официальной лѣтописи, гдѣ сказано: „и вѣнчася царскимъ вѣнцемъ...“

Далѣе въ рукописи упоминается о митрополитѣ Новгородскомъ Исидорѣ, которымъ, по словамъ рукописи, Василій „бысть возведенъ на царскій престолъ“¹⁾. Это извѣстіе прибавлено самимъ составителемъ рукописи, потому что въ хронографѣ Кубасова не говорится о томъ, кто вѣнчалъ Шуйскаго; рождается поэтому вопросъ: откуда составитель рукописи взялъ это извѣстіе? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ и разрѣшеніе другаго: на сколько вѣрно оно? Но такъ какъ трудно опредѣлить, изъ какого именно источника составитель взялъ одно только это извѣстіе—ибо о томъ могутъ свидѣтельствовать нѣсколько источниковъ,—то мы предпочитаемъ начать рѣшеніе этихъ вопросовъ съ рассмотрѣнія втораго, а именно: на сколько вѣрно извѣстіе, сообщенное изслѣдуемой нами рукописью, а затѣмъ, на основаніи большей или меньшей его достовѣрности, попробуемъ сдѣлать нѣсколько заключеній о томъ, изъ какого рода источника составитель могъ заимствовать это извѣстіе.

¹⁾ Сборникъ *Муланова*, стр. 266, л. 2.

Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Новаго Лѣтописца—въ Новомъ Лѣтописцѣ, въ Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ, и въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, говорится, что Василій былъ вѣнчанъ на царство не Новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, какъ сообщаетъ изслѣдуемая нами рукопись, а Казанскимъ митрополитомъ Ермогеномъ ¹⁾. Уже Карамзинъ нашелъ, что „извѣстіе рукописи Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія“ ²⁾; мы же позволимъ себѣ представить и причину, по которой должно считать извѣстіе рукописи наиболѣе достовѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что до насъ дошелъ „Чинъ вѣнчанія на царство царя Василя Іоанновича“, который, какъ актъ самый достовѣрный, долженъ вполне разрѣшить этотъ вопросъ. Въ этомъ „чинѣ“ всюду первенствующимъ лицомъ является митрополитъ Новгородскій; такъ, чинъ начинается слѣдующими словами: „Лѣта 7114 юня въ 1 день, въ недѣлю государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи вѣнчати царскимъ вѣнцомъ и діадимою, а дѣйствовати на его царскомъ поставленѣ митрополиту Ноугородскому со всѣмъ соборомъ...“ Далѣе: „А по совершенію молебна приходитъ митрополитъ Ноугородскій.. и говоритъ государю рѣчь“ ³⁾. О митрополитѣ Казанскомъ нѣтъ и помину въ „чинѣ“; тамъ упоминаются, кромѣ митрополита Новгородскаго, только „митрополитъ Ростовскій, да Кругицкій“. Между тѣмъ, еслибъ въ это время былъ Ермогенъ въ Москвѣ, то безъ сомнѣнія, ему принадлежало бы первое мѣсто во время вѣнчанія, такъ какъ Василій ужъ имѣлъ въ виду возвести его на патриаршій престолъ. А что Ермогенъ не былъ въ это время въ Москвѣ, объ этомъ говорится и въ рукописи, приписываемой патриарху Филарету: „Тогда бо бѣ вси (митрополиты и архіепископы) на Москвѣ бяху, единъ же бысть во изгнаніи отъ Ростриги митрополитъ Ермогенъ Казанскій и Свіязскій“ ⁴⁾. И такъ, Василя вѣнчалъ на царство митрополитъ Исидоръ, какъ и сообщаетъ изслѣдуемая нами рукопись, а не Ермогенъ, въ чемъ ошибаются всѣ остальные источники; это извѣстіе такъ называемой рукописи Филарета должно

¹⁾ *Временникъ*, кн. XVII; Русская лѣт. по Никон. списку, т. VIII, стр. 76; Лѣтоп. о мят., 103.

²⁾ *Ист. Госуд. Росс.*, т. XII, прим. 10.

³⁾ *Акты Арх. Эксп.*, т. II, № 47.

⁴⁾ *Сборникъ Муханова*, стр. 266, л. 2.

быть причислено къ такимъ, которыя отличаются своею достовѣрностію ¹⁾. Признавъ это, мы имѣемъ возможность уличить во лжи Василия Шуйскаго, который въ своей извѣстительной граматѣ ²⁾ говоритъ, что онъ принялъ скипетръ благословеніемъ патріарха. Что это дѣйствительно невѣрно, подтверждается еще тѣмъ противорѣчіемъ, въ которое впалъ Василій въ той же извѣстительной граматѣ: тамъ онъ не упоминаетъ, что 3-го іюня, то-есть, спустя два дня послѣ вѣнчанія, мощи Дмитрія были встрѣчены патріархомъ; а вѣдь если патріархъ былъ бы въ Москвѣ 1-го іюня, то-есть, при вѣнчаніи Василя, то уже 3-го онъ непременно встрѣчалъ бы мощи; а еслибы онъ встрѣчалъ, то о немъ, безъ сомнѣнія, было-бы упомянуто въ граматѣ, такъ какъ въ ней упоминаются всѣ другія духовныя лица ³⁾. Поэтому если въ граматѣ не упоминается о патріархѣ, значитъ, его при встрѣчѣ мощей не было, не было его и при вѣнчаніи Василя, а слѣдовательно, тогда и вовсе еще не было патріарха. Въ виду этого извѣстіе о присутствіи патріарха при встрѣчѣ мощей въ изслѣдуемой нами рукописи ⁴⁾, а также во всѣхъ трехъ редакціяхъ Новаго Лѣтописца ⁵⁾, должно быть совершенно отвергнуто, какъ ошибочное. Не пріѣхалъ же Ермогенъ 2-го іюня, такъ какъ Василій непременно пообождалъ бы его вѣнчаніемъ, или же заставилъ бы его послѣшить, потому что ему, безъ сомнѣнія, важно было принять скипетръ изъ рукъ самого патріарха; если же Ермогенъ пріѣхалъ 3-го іюня, то онъ не могъ встрѣтить мощей въ санѣ патріарха, такъ какъ его самого еще нужно было посвятить. Да наконецъ, вѣдь со дня вступленія на

¹⁾ Опредѣливъ степень достовѣрности извѣстія изслѣдуемой нами рукописи, мы должны еще рѣшить: откуда составитель могъ взять такое извѣстіе. Объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, № 147; ср. и другую грамоту отъ 6-го іюня, отправленную Василю въ Пермь великую, въ Акт. Арх. Эксп., т. II, № 48.

³⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. II, № 147. Нѣтъ упоминанія о патріархѣ при встрѣчѣ мощей и въ граматѣ Василя въ Пермь Великую, въ А. А. Э., т. II, № 48, и въ отрывкѣ изъ грамоты вдовствующей царицы Марѣи Феодоровны къ жителямъ города Ельца въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. II, № 149.

⁴⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 270, л. 5 и 6.

⁵⁾ *Временникъ Имп. Общества Исторіи и Древн. Росс.*, кн. XVII; ср. Русск. Лѣтопись по Никон. списку, т. VIII, стр. 78, и Лѣтопись о мятежахъ, стр. 106.

престоль Шуйскаго до 3-го іюня прошло не болѣе тринадцати дней, а въ это время нельзя было успѣть сообщить Ермогену о желаніи Шуйскаго возвести его въ санъ патріарха, и притомъ такъ, чтобы въ это время онъ успѣлъ и пріѣхать въ Москву изъ Казани, куда былъ сосланъ Гришкой Отрепьевымъ, и откуда до Москвы считается около 800 верстъ ¹⁾.

И такъ, мы считаемъ несомнѣннымъ, что ни при вѣнчаніи Василія, ни при встрѣчѣ мощей Димитрія, не было и быть не могло патріарха. Между тѣмъ Арцыбашевъ принимаетъ показаніе изслѣдуемой нами рукописи и трехъ редакцій Новаго Лѣтописца и говоритъ: „На третій день послѣ вѣнчанія Васильева принесли чудотворныя мощи святаго царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Государь, царица Марѳа, патріархъ и вся Москва встрѣтили ихъ близъ города“ ²⁾. Думаемъ, что послѣ всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя были представлены нами выше, должно признать изложеніе Арцыбашева неправильнымъ ³⁾.

Далѣе, въ рукописи, какъ мы ужь упоминали, говорится о судьбѣ Ермогена при вступленіи на престоль Гришки Разстриги: „Единъ же бысть въ изгнаніи отъ Ростриги митрополитъ Ермогенъ Казанскій и Связскій, занеже бо ему еретику претяше о его богомерзкой женитбѣ“ ⁴⁾. О Ермогенѣ говорится также и у Кубасова, но разница только въ томъ, что у этого послѣдняго разказывается о Ермогенѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ рукописи: „А на святительскій престоль возведенъ бысть митрополитъ Ермогенъ Казанскій, мужъ чуденъ зѣло и много разсуженія, въ московское же разореніе многое дивное о себѣ творяше, о немъ же послѣ исторія описуетъ. Сей же патри-

¹⁾ Сказаніе еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ *Именияхъ Имп. Моск. общества исторіи и древностей* 1847 г., № 9.

²⁾ Повѣствованіе о Россіи, т. III.

³⁾ Карамзинъ (*Исторія Госуд. Россійскаго*, т. XII, прим. 28) какъ бы готовъ согласиться, что патріархъ присутствовалъ при встрѣчѣ мощей Димитрія; вотъ его слова: «въ рукописи Филаретовой и въ лѣтописи Никоновской сказано, что при перенесеніи мощей св. Димитрія находился патріархъ, но въ царской извѣстительной грамотѣ о семъ не упоминается; впрочемъ, Шуйскій говорить въ сей же грамотѣ, что онъ принялъ скипетръ благословеніемъ патріарха» и проч. Это впрочемъ противорѣчитъ, кажется, тому, что говоритъ Карамзинъ въ текстѣ Исторіи, описавъ перенесеніе мощей Димитрія: «еще церковь не имѣла патріарха» (т. XII, стр. 21).

⁴⁾ Сборникъ *Мужанова*, стр. 266, л. 2.

архъ Ермогенъ отъ Растриги въ заточеніи бысть, понеже не послѣдства дѣломъ его и о женидбѣ запрещеніе ему подавая на соборѣхъ предъ всѣми людьми безстрашна словеса своя изливая, яко недостойтъ православному христіянину отъ иноплемненныхъ жену себѣ поняти, и много ему бысть отъ оного Растриги прещенія смертнаго и жестокихъ словесъ; онъ же яко крѣпкій поборникъ никако сего ужасеся, непрестанно его божественнымъ писаніемъ укоряя, и за сіе заточенъ бысть" ¹⁾.

Въ этихъ немногихъ словахъ ярво очерчена дѣятельность патріарха Ермогена въ правленіе Лжедимитрія. Ермогенъ, не смотря на свой неуживчивый характеръ, является въ смутную эпоху одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыя крѣпко стоятъ за Русскій народъ, и бодро сопротивляются всему, что хочетъ посягнуть на его самостоятельность, религію и обычаи. Поэтому, если Кубасовъ въ своемъ трудѣ выставилъ на видъ твердость характера Ермогена въ его отношеніяхъ къ самозванцу, то тѣмъ самымъ онъ высказалъ только одну правду и не можетъ заслужить упрека въ пристрастіи къ патріарху.

Тѣмъ не менѣе, такая оцѣнка дѣятельности патріарха нешла себѣ мѣста въ изслѣдуемой нами рукописи, гдѣ составитель ограничился лишь нѣсколькими словами о немъ. Отчего? Трудно объяснить причину этого обстоятельства, можетъ быть, совершенно случайнаго, потому что очень легко впасть въ тѣ или другія натяжки. Нельзя, напримѣръ, предположить, что составитель лѣтописи не помѣстилъ отзыва Кубасова о Ермогенѣ потому, что самъ былъ нерасположенъ къ Ермогену; предположить этого нельзя именно потому, что въ другихъ мѣстахъ рукописи то же самое лицо если и относится къ Ермогену не съ особенною похвалою, то все-таки ничѣмъ не выражаетъ своего нерасположенія къ нему.

Затѣмъ въ рукописи говорится о низверженіи патріарха Игнатія и объ отдачѣ его „подъ начало въ Чюдовъ монастырь“ ²⁾. Это же самое находится и у Кубасова ³⁾, который впрочемъ не упоминаетъ о заключеніи его въ монастырь.

Слѣдующее затѣмъ въ рукописи мѣсто ⁴⁾ — о томъ, что Шуй-

¹⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 294 и 295.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 2.

³⁾ Изборникъ *А. Попова*, стр. 294.

⁴⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 2.

скаго поздравляли „по царскому достоянію“ бояре и духовныя лица, списано почти вполнѣ съ хронографа Кубасова ¹⁾. Только у послѣдняго нѣтъ того восклицанія, которое прибавлено въ рукописи составителемъ: „и въ тѣя же дни (по вступленіи на престолъ Шуйскаго) бысть смиренія и радость въ людехъ велія“! ²⁾. Этого не могъ сказать Кубасовъ, говорившій о Шуйскомъ то, что мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, а могло сказать только лицо, которое по своему положенію должно было такъ говорить, однимъ словомъ, лицо официальное.

Слѣдующія 16 строкъ хронографа Кубасова, въ которыхъ ³⁾ разказывается о перенесеніи мощей Димитрія въ Москву, въ рукописи распространены на шести страницахъ ⁴⁾. Оно и понятно; правительство, явившееся въ Московскомъ государствѣ послѣ смутнаго времени, хотѣло показать народу истинныя причины этихъ смуть, главнымъ виновникомъ которыхъ оно считало, конечно, Гришку Отрепьева, принявшаго на себя имя убитаго царевича. Въ официальной лѣтописи Разстрига получаетъ слѣдующіе эпитеты: „губительный волкъ, богопроклятый разоритель православныя христіанскіе вѣры, новый Лютарь, отступникъ отъ православія, Уліанъ, еретикъ многоскверный, прелесть вражія, богопустная язва, зловонный вепрь, плотоядный медвѣдь, належащая пагуба“... ⁵⁾ Ясно, что для убѣжденія народа въ самозванствѣ Разстриги необходимо было сказать и о томъ, что Димитрій былъ на самомъ дѣлѣ умерщвленъ, и притомъ, совершенно невинно, почему и появились его мощи и чудеса отъ нихъ. Потребовалось, конечно, въ официальной лѣтописи подробное описаніе этихъ чудесъ, свидѣтельствовавшихъ о несомнѣнной невинности младенца.

Кромѣ того, это распространенное описаніе перенесенія мощей и чудесъ объясняется еще другими цѣлями, такъ сказать, личными, а именно, тѣми родственными отношеніями, какія существовали между лицами, стоявшими тогда во главѣ правительства, и лицомъ, котораго Провидѣніе прославило, по выраженію рукописи, какъ „страстотерца и чудеса того обогати“. Лѣтопись, какъ мы уже замѣ-

¹⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 294.

²⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266, л. 2.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 295.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 266—272, лл. 3—7.

⁵⁾ Сборникъ Муханова, стр. 263, л. 1; стр. 264, л. 1 и 2; стр. 265, л. 2.

тили, составлялась въ правленіе Михаила Теодоровича и патриарха Теодора Никитича; оба эти лица всюду называются „единокровными“ великому государю, царю и великому князю Теодору Ивановичу, а потому и чудеса мученика, принадлежащаго къ ихъ роду, должны быть описаны подробнѣе, по крайней мѣрѣ, краснорѣчивѣе и изящнѣе. Что таковыя цѣли были, это видно изъ той прибавки, которая сдѣлана однимъ изъ поправщиковъ: „дарское убо изчадіе подобаетъ благоговѣйнѣ того почтити яко жъ достоинтъ“...¹⁾ онъ же

Описаніе перенесенія мощей въ официальной лѣтописи въ сравненіи съ описаніемъ въ хронографѣ Кубасова отличается бѣльшимъ количествомъ витиеватыхъ фразъ до того, что во многихъ мѣстахъ даже затемняется смыслъ; такъ, на примѣръ, вмѣсто выраженія Кубасова: „повелѣ... привести гробъ царевича Дмитрія во царствующій градъ на увѣреніе людемъ и на обличеніе Разстригину ложному ухищренію“...²⁾, въ официальномъ описаніи мы находимъ такія фразы: „посылаетъ да принесутъ тѣло многострадальнаго сего крѣпкаго адаманта изъ Углича къ царствующему граду... изнести истинну на свѣтъ и заградити богоборные (еретическіе) кроволіяющіе уста и обличити тмѣ желателей темнаго мрака вмѣсто пресвѣтлыя зари тихомирнаго жительствова“³⁾; вмѣсто: „посла... мужей духовныхъ и о Божественныхъ писаній многоразсудныхъ“...⁴⁾ въ рукописи перефразировано: „чюднѣйшихъ отцѣмъ достойныхъ Божовидѣнія и исправляющихъ слова Божественныя истинны“⁵⁾. Затѣмъ въ официальномъ описаніи есть нѣкоторыя подробности относительно самыхъ мощей, чего мы не находимъ въ сокращенномъ описаніи Кубасова; такъ, въ рукописи говорится, что жители города Углича не хотѣли отпустить мощи въ Москву; говорится о томъ благоуханіи, которое распространяли отъ себя мощи⁶⁾. Одинъ изъ поправщиковъ рукописи нашель, что въ ней ничего не сказано о самомъ открытіи мощей, и потому на поляхъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „приписать: долго необрели и молебны пѣли и по молебны само явилось тѣло, кабы дымокъ и съ стороны рва копанова по-

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 3.

²⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 295.

³⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266 и 267, л. 3.

⁴⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 295.

⁵⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 267, л. 3.

⁶⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 268, л. 4.

казался благовоненъ, тутъ скоро обрели“ ¹⁾. Вслѣдствіе этой замѣтки на оборотной сторонѣ листа явилось цвѣтистое словоизлитіе, по содержанію своему совершенно сходное съ содержаніемъ приведенной замѣтки: ²⁾.

Подробнѣе говорится въ рукописи о торжественномъ несеніи мощей Димитрія въ храмъ архангела Михаила, о самыхъ чудесахъ ³⁾; кромѣ того, упоминается большее число лицъ, отправленныхъ въ Угличъ за мощами ⁴⁾.

Затѣмъ въ официальномъ описаніи встрѣчаются сравненія съ аналогичными событіями изъ священной исторіи; такъ, напримѣръ, сказавъ, что жители Углича не соглашались отпустить отъ себя мощи Димитрія, составитель говоритъ далѣе: „Человѣколюбець же Господь вида въру своихъ рабъ и вѣщше прослави своего угодника и стратотерпца и чюдеса того обогати свыше отъ своея велелѣпныя милости; ижъ убо бѣша слѣпци и хроми и инѣми болѣзни одержими, прикосновеніемъ святаго тѣлеси его и одра на немъ же лежаше изцѣляхуся, и яко жъ нѣкогда при апостолѣхъ потъ сѣнь Петрову прибѣгаху недужни гдѣ грядущу Петру, но нѣжъ сѣнь нѣкоего осѣнитъ и ти изцѣленіе получаху, тако и днесъ сбьстєся во очю нашею“ ⁵⁾.

Есть сравненія, заимствованныя и изъ исторіи русской; такъ, Димитрія Ивановича авторъ называетъ вторымъ Глѣбомъ Владимировичемъ, „ижъ въ начало просвѣщенія Россійскаго царствія отъ повара убиеннаго...“ ⁶⁾. Встрѣчаются также и тексты, взятые изъ Священнаго Писанія; такъ о дѣйствиі чудесъ Димитрія говорится, что „недужни же течаху скоро и болѣзненіи яко елени скачюще и Бога хваляще, ижъ таковую благодать святымъ дающаго; сбьсть бо ся реченное Исаемъ: скочить яко елень, хромый и ясенъ будетъ языкъ гугниваго“ ⁷⁾.

Хотя описаніе перенесенія мощей Димитрія гораздо пространнѣе въ официальной лѣтописи, нежели въ хронографѣ Кубасова, однако

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 266, л. 3.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Откуда авторъ заимствовалъ этотъ списокъ лицъ, отправленныхъ за мощами, мы скажемъ ниже.

⁵⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 269, л. 5, слич., Дѣянія апостольскія, гл. V, стр. 14—16.

⁶⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 267, л. 3.

⁷⁾ Исаи гл. 35, ст. 6.

нельзя не замѣтить, что составитель рукописи имѣлъ передъ глазами и то описаніе, которое находится въ хронографѣ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ перефразировокъ, которыя мы приводили выше. Но мы можемъ привести и другіе примѣры въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго. Такъ, составитель рукописи говоритъ о Димитріѣ Ивановичѣ: „и сей отъ своихъ рабъ кровію обогрѣнный и смерти преданный...“ ¹⁾. Это авторъ могъ сказать, подражая Кубасову, у котораго нашель выраженіе ²⁾: „безъ вины отъ раба закланъ бытъ“. Затѣмъ слова: „человѣколюбець Богъ прослави своего угодника и чудеса того обогати“ ³⁾ могли быть сказаны авторомъ потому, что въ хронографѣ Кубасова онъ встрѣтилъ слѣдующія: „и за сіе страданіе Богъ чудеса его одари“ ⁴⁾. Оба эти выраженія довольно характеристичны, хотя второе, какъ самостоятельно высказанное, нѣсколько вѣрнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ первое, только передѣланное изъ него.

Это описаніе перенесенія мощей Димитрія въ рукописи не окончено; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло конца его, такъ какъ въ рукописи здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; на первомъ изъ слѣдующихъ листовъ описывается уже приходъ Болотникова къ Москвѣ. Соображая по хронологическому порядку, Мухановъ сдѣлалъ предположеніе, что на недостающихъ листахъ былъ описанъ бунтъ князя Григорія Шаховскаго, появленіе втораго же-Дмитрія и пр. ⁵⁾. Мы имѣемъ теперь возможность повѣрить предположеніе Муханова, такъ какъ видимъ, что въ этомъ мѣстѣ составитель рукописи слѣдовалъ вполнѣ хронографу Кубасова, и что слѣдующій за недостающими листъ начинается тѣми же словами, которыя находятся и въ хронографѣ: „(пойдоша во ополченіи) своемъ подъ стѣны града“ ⁶⁾. Слѣдовательно, пропущено шестнадцать строкъ, на которыхъ у Кубасова описанъ не бунтъ князя Григорія Шаховскаго и не появленіе втораго же-Дмитрія, а появленіе же-царевича Петра и возстаніе Сѣверскихъ городовъ.

Въ описаніи дѣйствій Болотникова подъ Москвою, сраженія и бѣгства его подъ Калугу составитель рукописи является простымъ спи-

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 267, л. 3.

²⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 295.

³⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 269, л. 5.

⁴⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 295.

⁵⁾ Сборникъ *Муханова*, прим., стр. XXXV, къ л. 7.

⁶⁾ Изборникъ *Попова*, стр. 295.

сывателемъ съ хронографа Кубасова, такъ что 33 строки хронографа ¹⁾ вошли въ описаніе официальной лѣтописи; сходство почти полное, начиная съ 8-го листа рукописи, со словъ: „своемъ подѣ стѣны града“, до листа 10-го, до словъ: „противу враговъ браннымъ своимъ ополченіемъ стояти невозмога“ включительно ²⁾; впрочемъ, составитель рукописи долженъ былъ сдѣлать кое-какія измѣненія и дополненія, мало имѣющія значенія по своей сущности, но важныя своими указаціями на официальное положеніе составителя рукописи. Такъ, при упоминаніи о войскѣ Болотникова составитель официальной лѣтописи называетъ его постоянно „безумное воинство“, чего въ хронографѣ Кубасова нѣтъ; описавъ затѣмъ пораженіе Болотникова, авторъ прибавляетъ отъ себя: „воздаде бо имъ Богъ мѣсть, понежъ нелѣпная государю своему начаша содѣвати“ ³⁾. Эта вставка понятна: если на сторонѣ Шуйскаго стоитъ само Провидѣніе, какъ это всюду стараются выставить официальное лицо, то ясно, что на пораженіе враговъ Василія это лицо не можетъ иначе смотрѣть, какъ на наказаніе Божіе за ихъ возстаніе.

Составитель рукописи упоминаетъ между прочимъ о томъ, что на помощь Василію пришли Смольняне ⁴⁾; у Кубасова этого не говорится. Прибавка эта, конечно, вполне основательна, такъ какъ приходъ Смольнянъ подѣ Москву на помощь Шуйскому подтверждается и другими свидѣтельствами ⁵⁾.

Но въ томъ, что говорится въ рукописи далѣе, нельзя не видѣть нѣкоторыхъ обстоятельствъ, заставившихъ составителя изслѣдуемой нами рукописи сдѣлать ошибку, такъ какъ его официальное положеніе не позволило ему высказать всей правды. Приступая къ описанію побѣды, одержанной Москвичами надъ Болотниковымъ, составитель официальной рукописи представляетъ Шуйскаго имѣющимъ достаточно силы, чтобы поборотъ мятежниковъ, нисколько не сомнѣвающимся въ успѣхѣхъ своего дѣла и совершенно увѣреннымъ въ своей побѣдѣ

¹⁾ По изданію А. Попова.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 272, л. 8, до стр. 275, л. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 273, л. 8.

⁴⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 273, л. 8.

⁵⁾ Такъ объ этомъ упоминается въ Книгѣ глаголемой Новой Лѣтописецъ: Русская лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 82; въ Лѣтописи о мятежахъ, стр. 110; въ Карамзинскомъ хронографѣ: Изборникъ *Попова*, стр. 332; въ богомольной грамотѣ патриарха Ермогена отъ 30-го ноября: Акты арх. эксп., т. II, № 58.

надъ ними; онъ говоритъ: „Царь жь Василей Ивановичь, имѣя Бога помощника, ни мало ни усумнися о семъ“. Выставивъ на видъ полное отвращеніе Василя ко всякому кровопролитію, его искреннее, будто бы, желаніе покончить ссору миромъ, составитель старается представить дѣло такимъ образомъ, чтобы нельзя было упрекнуть Шуйскаго въ недостаткѣ чловѣколюбія и милосердія: „милостиво и кротко“ говоритъ онъ, — „сотворяетъ и посылаетъ къ нимъ, да престанетъ коварство ихъ безъ крови“¹⁾.

И такъ, изъ словъ составителя явствуетъ, что Василій, не желая доводить дѣло до битвы, хочетъ употребить сначала всѣ мѣры кротости, чтобы покончить вражду безъ пролитія крови, а потому обращается къ Болотникову и его войску съ предложеніемъ положить оружіе. Мы имѣемъ основаніе не повѣрять этимъ мотивамъ, которые, по словамъ автора изслѣдуемой нами рукописи, побудили Василя обратиться къ мятежникамъ съ предложеніемъ прекратить борьбу; дѣло должно быть объяснено иначе; Василій, какъ царь партіи, уже въ это время былъ ненавидимъ многими; его держались потому только, что не знали еще кому передаться; положеніе Василя въ Москвѣ было критическое. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія относительно того, въ какомъ положеніи находились дѣла въ Москвѣ за это время; такъ, въ Латухиной Степенной книгѣ говорится, что „царь Василей Ивановичь, видѣвъ сія, и повелѣ повсюду градъ утверждати, чтобы отъ нихъ враговъ какія пакости не пріяти; самъ же царь и вси людіе быша въ печали велицѣй. Въ то же время нѣкому отъ чловѣкъ явленіе бысть дивно и ужаса исполнено; онъ же возвѣсти вся царю и патріарху. И заповѣда царь и патріархъ всему народу три дни, октовріа съ 14 числа поститися и прилежно Господу Богу молитися...“²⁾. Въ Москвѣ народъ волновался, съ часу на часъ звалъ самозванца³⁾. Ясно, что Шуйскому, находившемуся въ такомъ положеніи, необходимо было завязать сношенія съ начальниками обступившаго Москву войска, поселить между ними раздоръ, нѣкоторыхъ привлечь на свою сторону и т. д. Вотъ съ какою цѣлью Василій завелъ сношенія съ Болотниковымъ и его товарищами. Но удалось ли Василю достигнуть чего-нибудь? Авторъ изслѣдуемой нами рукописи говоритъ: „они жь

¹⁾ Сборникъ *Мухомова*, стр. 273, л. 8.

²⁾ *Карамзинъ*, Ист. Г. Р., т. XII, прим. 79.

³⁾ Пазрле въ Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, т. I (изданіе 1859 г.), стр. 216.

ни мало не внимаше...¹⁾ Значитъ, Василий потерпѣлъ неудачу: онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и ими одержалъ побѣду надъ осаждавшими. Конечно, это ложь; мы, напротивъ, должны дать полную вѣру другимъ извѣстіямъ, согласно говорящимъ о переходѣ многихъ на сторону Шуйскаго, и между прочимъ, объ измѣнѣ Истомы Пашкова. Патриархъ Ермогенъ, въ своей богомольной грамотѣ митрополиту Ростовскому Филарету отъ 30-го ноября²⁾, признается, что „къ нимъ злодѣемъ отъ Москвы ни одинъ же отторжеся, а отъ нихъ къ государю прїѣзжаючи многіе добиваютъ челомъ и государь милостиво ихъ вины имъ отпускаетъ...“³⁾ Объ измѣнѣ Истомки Пашкова говоритъ большинство источниковъ⁴⁾. На этомъ основаніи всѣ остальные свидѣтельства, говорящія о взятіи, будто бы, въ плѣнъ Истомки Пашкова, свидѣтельства официальные, заинтересованныя и потому ненадежныя, должны быть совершенно отвергнуты⁵⁾. На это мы имѣемъ тѣмъ большее право, что въ одномъ изъ хронографовъ, авторъ котораго—сторонникъ Василия, находится извѣстіе о томъ, что Истома Пашковъ былъ награжденъ царемъ. Это извѣстіе не можетъ быть согласовано съ показаніями Василия, которые говорятъ о взятіи Истомки Пашкова въ плѣнъ⁶⁾. Взять въ плѣнъ своего завзятаго врага и наградить его—одно съ другимъ не вяжется, да и не въ характерѣ Василия, упоившаго Болотникова, во-

¹⁾ Сборникъ *Мухомова*, стр. 273, л. 8.

²⁾ А. А. Э., т. II, № 57.

³⁾ Лалукина Степенная книга: *Карамзинъ*, Ист. Гос. Рос., т. XII, прим. 86. Книга, глаголемая Новый лѣтописецъ: Русская лѣтопись по Ник. списку, т. VIII, стр. 82 и 83; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 111; Буссовъ: *Regum rossicarum scriptores exteri*, т. I, стр. 72; Петрей, тамъ же, стр. 209; Мартинъ Беръ: Сказ. о Дмитріѣ Самозванцѣ, томъ I (1859 г.), стр. 209; Пазрле: тамъ же, стр. 216; Масса: *Histoire des guerres de la Moscovie*, т. II, стр. 209; *Historia Dmitra falszowego*: Русск. Ист. Библ., т. I, стр. 121.

⁴⁾ Въ грамотѣ царя Василия, писанной 5-го декабря 1606 г. въ Верхотурѣ къ воеводамъ, говорится: «Декабря во 2 день бояры наши и воеводы твоихъ воровъ всѣхъ побили на голову, а Истомку Пашкова, а Мишку Беззубова и многіхъ атамановъ и казаковъ живыхъ поймали и къ намъ привели» (Собраніе госуд. грамотъ, II, № 150). То же читаемъ и въ грамотѣ Василия въ Пермь Великую отъ 9-го декабря и въ другой отъ 8-го декабря Филарету Ростовскому (см. А. А. Эсп., II, №№ 60 и 59).

⁵⁾ *Карамзинскій хронографъ*: «со Рязанцы Григорей Сунбуловъ и Прокопей Лянуновъ прїѣхали къ Москвѣ ко царю Василью и вину свою принесли, а Истома Пашковъ прїѣхалъ же и царь Василей Рязанцева и Истома Пашкова всѣхъ пожаловалъ и вину имъ отдалъ...» (Изборникъ А. Попова, стр. 332).

преки своему обѣщанію не казнить его. А что дѣйствительно Пашковъ былъ пожалованъ, доказывается тѣмъ, что онъ является въ послѣдствіи предводителемъ цѣлаго войска Василія, вмѣстѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ¹⁾. Что Василій въ этихъ грамотахъ могъ говорить неправду, этого нельзя не видѣть еще и изъ того обстоятельства, что грамоты эти были отправлены: одна—въ Верхотурье, другая—въ Пермь Великую, гдѣ едва ли кто могъ знатъ полную истину, и слѣдовательно, Василій могъ представлять дѣло въ какомъ угодно свѣтѣ, не боясь быть уличеннымъ во лжи. А вѣдь отъ этого измѣняется взглядъ на положеніе дѣлъ въ Москвѣ: въ самомъ ли дѣлѣ Василій былъ на столько силенъ, что могъ своими собственными силами одолѣть мятежниковъ, или же для побѣды ему необходима была измѣна? На сколько вновь избранный царь пользовался сочувствіемъ будто бы избравшаго его народа, и имѣлъ ли онъ возможность, при подобномъ настроеніи жителей Москвы, не прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не могли, конечно, не изобличить въ Шуйскомъ признанія имъ самимъ, въ глазахъ противниковъ, его собственной слабости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показать этимъ послѣднимъ, что вслѣдствіе потери имъ поддержки въ Московскомъ народѣ они сами, въ свою очередь, могутъ разчитывать на эту поддержку и сочувствіе Москвитянъ къ своему дѣлу.

И такъ, сопоставленіемъ извѣстій, сообщаемыхъ изслѣдуемою нами рукописью, съ извѣстіями хронографа, послужившаго для нея главнымъ источникомъ, вполне выясняется тотъ характеръ, съ какимъ являются въ лѣтописи заимствованныя изъ первоначальнаго источника извѣстія: факты, взятые изъ хронографа, освѣщены совершенно другимъ свѣтомъ, передѣланы на другой, офиціальныи ладъ. Является теперь вопросъ: какъ объяснить ту вставку, которая попала изъ хронографа Кубасова въ офиціальную рукопись, и которая, говоря „о злобѣ и ненависти Василія“, совершенно неумѣстна въ такомъ сочиненіи, гдѣ высказывается полное сочувствіе автора къ Шуйскому?

Изъ всего того, что намъ извѣстно о хронографѣ Кубасова, можно, думаемъ, вывести нѣкоторое понятіе относительно взгляда автора на

¹⁾ Латухина Степенная книга: «Въ это время (при пораженіи царскихъ войскъ подъ Калугою) князь Михаилъ Скопинъ Шуйской, да атаманъ казачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ мужественно стаха и многихъ побилъ и едва отъ совершенныя погибели спасишася» (*Карамзинъ, Истор. Госуд. Росс.*, т. XII, прим. 124).

Василія Шуйскаго: Шуйскій домогался власти царской и достигъ ея, будучи возведенъ на престоль приверженцами своей партіи. Все, что Кубасовъ говоритъ о Шуйскомъ, прямо заставляетъ видѣть въ авторѣ лицо, въ которомъ нельзя признать сторонника Василія, которое вовсе не сочувствуетъ ему. Этотъ взглядъ Кубасова на Василія, какъ на одного изъ виновниковъ бѣдствій Русскаго народа, ясно высказывается и въ слѣдующихъ его словахъ, которыя онъ приписываетъ толпѣ, требовавшей, чтобы Василій отказался отъ престола: „и собрася множество народу царствующаго града и придоша на царскій дворъ и воздвигоша гласы своя, да отоимется царская держава отъ царя Василія, понеже мужъ крове еси и вси людіе мечемъ погибоша за него и грады раскопаны суть и вся Россійская держава запустѣніе прія“¹⁾. Послѣ подобной мрачной характеристики Василія, развѣ у автора не на мѣстѣ было вышеупомянутое замѣчаніе его относительно Шуйскаго: „Василій наполнися зависти и не возлюби его (Михаила Скопина-Шуйскаго) за сію бывшую побѣду“²⁾? Это мѣсто какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ всему тому, что было сказано Кубасовымъ и ранѣе, и прибавляетъ еще одну черту злостнаго характера Василія: его завистливая натура не можетъ терпѣть того, кто началъ маломальски пользоваться народнымъ расположеніемъ, кто получаетъ за услуги, оказанныя имъ, признательность и благодарность удрученнаго страшными бѣдствіями Русскаго народа. И такъ, эти слова могли быть сказаны Кубасовымъ, но не могъ ихъ сказать составитель официальной лѣтописи. Отчего же эти слова все-таки явились въ лѣтописи?

Не забудемъ того, что до этихъ словъ авторъ списываетъ съ хронографа Кубасова слѣдующее: „Князь же Шуйскій съ воинствомъ поидоша въ Москву радостни зѣло яко побѣдницы суть, во крѣпости меча своего побѣдиша враговъ своихъ, и стретоша сего воеводу вси людіе царствующаго града и почтиша его честію велію зѣло“³⁾. Упомянутое торжественное въѣздѣ Скопина-Шуйскаго въ Москву заставило составителя официальной лѣтописи вспомнить о лицѣ, которымъ когда-то восторгалась вся Москва, и на котораго возлагала всѣ свои надежды, думая, что онъ спасетъ ее отъ всѣхъ враговъ

1) Изборникъ *Попова*, стр. 304.

2) Тамъ же, стр. 303.

3) Изборникъ *А. Попова*, стр. 303; то же и въ Сборникѣ *Муханова*, стр. 287, л. 22.

Русской земли. Но Скопину не суждено было совершить это ¹⁾. Составителю (можетъ быть, современнику описываемыхъ событій) нельзя было не вспомнить о причинѣ этой неудачи; ему не могли не придти на память тѣ темные толки и слухи, которые ходили тогда въ народѣ, и которые справедливо говорили о враждѣ царя Василія къ Скопину. Передъ глазами составителя лежитъ источникъ, гдѣ прямо говорится, что „Василей исполнился зависти и не возлюбилъ его за сію бывшую побѣду“. Выставляя раньше всегда правое дѣло Василія въ борьбѣ его съ мятежниками и самозванцами, составитель не рѣшается держать сторону Шуйскаго, постоянно завидовавшаго славою защитника народа. Образъ любимаго героя того времени, образъ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей той эпохи, и въ то же время, неудача, постигшая его въ цвѣтъ лѣтъ, среди самыхъ блестящихъ надеждъ и ожиданій, все это ясно рисуется въ мысляхъ автора-современника, и онъ не можетъ не повѣрить тому, о чемъ у него говорится передъ глазами; напротивъ, для него становится теперь вполне очевиднымъ, что причиною ранней гибели Скопина былъ именно Василій, и потому онъ списываетъ съ лежащей передъ нимъ страницы слѣдующія, вовсе не приличныя ему, какъ лицу официальному, строки: „Царь же Василей наполнился зависти и гнѣва и не возлюбилъ его за сію бывшую побѣду“. Авторъ исполнился такого

¹⁾ Мы не останавливаемся здѣсь на разрѣшеніи вопроса о томъ, что именно послужило основаніемъ той славы, какою несомнѣнно пользовался Скопинъ у современниковъ, какія дѣянія его особенно поразили воображеніе народа, — вопросъ, которымъ такъ занимаются наши почтенные историки: гг. Соловьевъ, Костомаровъ и др.; не беремся раскрывать неясный образъ этой замѣчательной у современниковъ личности, по выраженію г. Соловьева, «покрытой съ головы до ногъ пеленою»; для настоящаго нашего изслѣдованія важенъ тотъ несомнѣнный фактъ, что Скопинъ-Шуйскій былъ въ смутную эпоху такую личностью, около которой сгруппировались лучшія силы того времени, на котораго были возложены лучшія надежды народа. Для насъ важна, какъ слѣдствіе его дѣяній, — его слава; слава, которая, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, основывается на обстоятельствахъ самой эпохи. Общество искало человѣка, который соединилъ бы необходимыя силы для общей цѣли. Каковы бы ни были условія, сопровождавшія его стремленія, но дѣло Скопина дало извѣстный, очевидный результатъ. Притомъ его имя было постоянно на устахъ. Достаточно прочесть одну переписку городовъ, чтобъ увидѣть, что все сосредоточивается въ ней на имени Скопина. Наконецъ, загадочная, неожиданная участь, постигшая его, вскорѣ послѣ перваго обаянія славы, сдѣлала остальное, и онъ остался незапятнаннымъ героемъ въ краткомъ эпизодѣ цѣлой драмы. См. о М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ статью В. И. Иконникова въ *Древней и Новой Россіи*, 1875 г., № 6, стр. 133.

грустнаго сожалѣнія о Скопинѣ, до того увлекся сочувствіемъ къ нему, что совершенно отбрасываетъ въ сторону источникъ, которымъ до сихъ поръ пользовался, и самъ отъ себя приводитъ библейское сравненіе съ Сауломъ и Давидомъ: „якожь и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіаѳа и поуще Саулу въ тысящахъ а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичю побѣдную пѣснь приношаху и о избавленіи своемъ радовахуся. Оле зависти и рвенію“, продолжаетъ авторъ, все болѣе и болѣе увлекаясь чувствомъ негодованія на Василья, — „въ koliko нечестіе и погибель пореваетъ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ“ ¹⁾. Смерть Скопина, послѣдовавшая вскорѣ за вступленіемъ его въ Москву, заставляетъ автора опять вспомнить о той молвѣ, которая, переходя изъ устъ въ уста, гласила, что Михаилъ былъ отравленъ на крестинномъ пиру у Ивана Михайловича Воротынскаго. Авторъ вѣритъ этому слуху подъ вліяніемъ искренняго сожалѣнія о быстрой кончинѣ Скопина и заноситъ этотъ слухъ, помимо хронографа Кубасова, въ официальную лѣтопись. „Умре, глаголютъ убо вѣдцы яко отравленъ бысть“ ²⁾.

Дѣйствительность того, что составитель лѣтописи вполне искренно сочувствуетъ Скопину и столь же искренно порицаетъ виновниковъ его смерти, подтверждается тѣмъ, что онъ дальше приводитъ нѣсколько текстовъ изъ Священнаго Писанія ³⁾, въ подкрѣпленіе своего сѣтованія на тѣхъ, кого онъ считаетъ виновниками смерти Скопина; въ этихъ сѣтованіяхъ проглядываетъ въ то же время и нелицемѣрная скорбь автора о тяжелой утратѣ, понесенной не во-время Русскимъ народомъ.

Сказавъ затѣмъ о мѣстѣ погребенія Скопина, при чемъ выраженія по хронографу Кубасова приводятся дословно, авторъ въ концѣ пы-

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 287, л. 22. Библейское сравненіе съ Сауломъ и Давидомъ при описаніи натянутыхъ отношеній Василья къ Скопину-Шуйскому встрѣчается и во многихъ другихъ сказаніяхъ, напримѣръ, въ Сказаніи о бѣдахъ и скорбехъ и напастяхъ, уже бысть во Велицей Росіи Божимъ наказаніемъ: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V, стр. 58; въ Сказаніи объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря, Авр. Палицина, стр. 203; въ сказаніи: «О рожденіи князя Михаила Васильевича»: Изборникъ *Попова*, стр. 386.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 287, л. 22.

³⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 288, л. 23; только первый изъ приводимыхъ составителемъ текстовъ заимствованъ не изъ 5-й, какъ онъ говоритъ, а изъ 4-й главы Премудрости Соломона, 16—20.

тается въ немногихъ словахъ представить слѣдующую характеристику Скопина-Шуйскаго: „Сей же непобѣдительный воевода, много подвиговъ показа, и попеченіе великое о Російскомъ государствѣ, и много Литвы побилъ и на рати много храбрствовахъ, баше бо красенъ лицомъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, нищелюбивъ бѣ и добродѣтеленъ, никого жъ оскорбилъ и никого презрихъ всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая, такожь и блаженную память пріять“¹⁾.

Эта сочувственная Скопину характеристика, внесенная въ официальную лѣтопись, какъ нельзя болѣе оправдываетъ высказанное нами предположеніе, что авторъ, при разказѣ объ отношеніяхъ Василя Шуйскаго къ своему племяннику и при упоминаніи о его смерти, не могъ удержаться на той степени объективности, съ которою разказываетъ все это Кубасовъ, не увлекшійся ходившими тогда слухами; этимъ неравнодушіемъ при воспоминаніи о печальной участи Скопина и объясняются тѣ довольно большія отступленія, которыя позволилъ себѣ сдѣлать авторъ официальной лѣтописи.

И такъ, вышеупомянутая вставка, находящаяся въ полномъ противорѣчій съ общимъ характеромъ извѣстій, сообщаемыхъ рукописью, тѣмъ не менѣе вполне отвѣчаетъ, какъ намъ кажется, самымъ обстоятельствамъ, которыми мы старались выяснитъ ея появленіе въ официальной лѣтописи: личное сочувствіе составителя къ Скопину пересилило въ немъ всѣ остальные симпатіи, и онъ рѣшился высказать все, что зналъ, и что казалось ему наиболѣе достовѣрнымъ.

Вопросъ теперь заключается въ томъ, на сколько достовѣрно это извѣстіе, сообщенное составителемъ рукописи, сошедшимъ въ данномъ случаѣ, такъ сказать, съ своей официальной почвы; говоря вообще, на сколько достовѣрно обвиненіе недоброжелателей Скопина въ его отравленіи, обвиненіе, нашедшее полную вѣру у его современниковъ и поддерживаемое новѣйшими изслѣдованіями нашихъ ученыхъ. Мы не входимъ здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ извѣстій, русскихъ и иностранныхъ, говорящихъ объ этомъ предметѣ; цѣлью нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій будетъ выясненіе именно того обстоятельства, заслуживаетъ ли въ самомъ дѣлѣ такого довѣрія извѣстіе рукописи—довѣрія, придаваемого ему нашими учеными, для которыхъ это мѣсто официальной лѣтописи служитъ едва ли не однимъ изъ самыхъ сильныхъ основаній въ пользу насильственной смерти Скопина.

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 289, л. 24.

Прежде всего намъ кажется, что наши ученые идутъ не совсѣмъ вѣрнымъ шагомъ на пути изслѣдованія настоящаго вопроса. Такъ, въ очеркѣ жизни Скопина, принадлежащемъ г. Иконникову, подробно разсматриваются всѣ дошедшія до насъ извѣстія, разбирается чрезвычайно обстоятельно каждое выраженіе автора; мало того: въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ стараются даже читать, такъ сказать, между строкъ и видѣть то, чего, пожалуй, тамъ и не находится. Мы укажемъ здѣсь на сдѣланный упомянутымъ изслѣдователемъ разборъ нѣкоторыхъ извѣстій, и прежде всего, извѣстія Авраамія Палицына.

„Въ ряду русскихъ извѣстій“, говоритъ г. Иконниковъ, — „мы должны на первомъ планѣ поставить сказаніе Авраамія Палицына, какъ лица близкаго къ событіямъ, хорошо знавшаго московскія отношенія и притомъ извѣстнаго по своей дѣятельности. Онъ говоритъ: „Грѣхъ же ради нашихъ, по двю мѣсяцу пришествія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша къ Господу отъиде, но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ чловѣкъ умышленіе совершися. Единый создавый насъ вѣсть“. Можно согласиться съ Мухановымъ“, продолжаетъ изслѣдователь, — „что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ князь Скопинъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Палицынъ, пострадавшій при Ѳедорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, партией Шуйскихъ, возвысился при послѣднихъ, и хотя обвиняетъ царя Василія за отобраніе Троицкой казны, какъ келарь этого монастыря, но сохраняетъ къ Шуйскому должное уваженіе, какъ къ благовѣрному царю. Палицынъ пользовался его покровительствомъ, находясь въ Москвѣ (ср. Ист. Соловьева, VIII, 230), а будучи облагодѣтельствованъ Шуйскимъ, онъ не могъ написать о немъ особенно рѣзко даже тогда, когда Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ болѣе важно, что даже при такихъ отношеніяхъ и своей дипломатической уклончивости, онъ не скрылъ „ненависти“ къ „гордости“ Дмитрія Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушиномъ („изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися“), и откровенно разказываетъ о симпатіи къ Скопину и интригѣ противъ него лицъ, близкихъ къ царю: намеки весьма ясны на главныхъ враговъ Скопина. Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію и даже неупоминаніе, что обвиненіе въ его смерти распространилось благодаря народной молвѣ, какъ говорятъ другіе лѣтописцы („мнози говоряхуть“), сильно под-

купаютъ въ пользу мнѣнія, что самъ Палицынъ склонялся къ убѣжденію, что „злыхъ человѣкъ умышленіе совершилось“.

Таковы слова г. Иконникова; но намъ кажется, что трудно быть подеупленнымъ въ чью-либо пользу такими доводами. Неужели Палицынъ, обвиняющій Василія за отобраніе Троицкой казны, не скрывающій ненависти къ гордости Дм. Шуйскаго, рѣзко выражающійся о его неудачѣ подь Клушинымъ, даже откровенно разказывающій объ интригѣ противъ Скопина лицъ близкихъ къ царю, неужели Палицынъ, при такихъ отношеніяхъ къ фамилии Шуйскихъ, не сказалъ бы чего-нибудь болѣе яснаго и сколько-нибудь опредѣленнаго о „злыхъ человѣкъ умышленіи“, еслибъ онъ вполне былъ убѣжденъ въ этомъ? Неужели только одно нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію, должно принимать за сколько-нибудь сильный доводъ въ пользу того, что Палицынъ склонялся къ убѣжденію въ существованіи „злаго умысла“? Выраженіе Палицына: „не вѣмы убо кого рещи“ не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобъ ему придано было какое-либо особенное значеніе. Можетъ быть, въ этомъ „не знаю“ и заключается что-нибудь похожее на сомнѣніе въ естественной смерти Скопина; но это сомнѣніе Палицына еще не рѣшаетъ нисколько самаго вопроса. Сомнѣніе, конечно, могло быть, и тѣмъ болѣе сильное, что о насильственной смерти Скопина „говорили“; отчего же и Палицыну не повѣрить этому? А что касается до этихъ смутныхъ слуховъ, то можно только сказать, что такіе слухи скорѣе всего возможны были именно въ смутную эпоху. Въ то время, когда вмѣстѣ съ полнымъ физическимъ разслабленіемъ и нравственная порча пропитывала весь организмъ Русскаго народа, когда ложь постоянно и громко высказывалась такими лицами, которыя вовсе не должны были лгать, когда являлось множество обманщиковъ-самозванцевъ, когда, подь вліяніемъ ежечасныхъ неожиданностей, нельзя было не повѣрить и лжецу, сказавшему хотя одинъ разъ правду,—въ это время могли, конечно, слагаться слухи самаго чудовищнаго свойства, которые, будучи лишены часто всякаго основанія, а еще скорѣе, если было хотя кажущееся основаніе, переходя изъ устъ въ уста, встрѣчали полную вѣру со стороны не однихъ только людей легковѣрныхъ, которыхъ всегда не мало, но даже и со стороны огромнаго большинства, зараженнаго тогда полною вѣрою во все неожиданное, во все только возможное.

Ясно, что такіе слухи, разносимые стоустою молвою, не могутъ имѣть для науки какого-либо значенія, и мы не имѣемъ никакого

права возводить подобное свидѣтельство на степень сколько-нибудь достовѣрнаго историческаго показанія. Если справедливо, „что лѣтописцы, заимствуясь другъ у друга, взаимно соглашаются на счетъ многихъ событій, дѣйствительность которыхъ далеко не доказана“, то какимъ же образомъ можно принимать на вѣру разказы о событїи, внесенный въ повѣствованіе безъ всякой критической оцѣнки и постоянно сопровождаемый замѣчаніями въ родѣ „не вѣмы убо, како рещи“, „единный создавый насъ вѣсть“, „нѣщцы глаголють“, „единому Богу свѣдомо“ и т. д.? То же самое должно сказать и относительно извѣстій о насильственной смерти Скопина, переданныхъ какъ слухъ. Такой слухъ объ отравѣ могъ создаться весьма легко именно потому, что фактъ отравы былъ возможенъ, и притомъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, не подвержено сомнѣнію, что Василій и его родственники питали сильную ненависть къ Скопину и завидовали его возвышенію и славѣ; это замѣчали всѣ; а отъ этой ненависти недалеко было и до того, чтобы приписать Шуйскимъ и желаніе избавиться отъ него; вовторыхъ, смерть приключилась Скопину весьма быстро, была, какъ говорятъ, скоропостижна; а потому для большинства и казалось яснымъ, что и причина смерти была быстрая, и конечно, не иначе какъ чрезъ отраву, поднесенную Скопину однимъ изъ его завистниковъ, которыхъ у него считалось тогда не мало. Намъ кажется поэтому, что относиться къ подобному слуху нельзя слишкомъ довѣрчиво: въ скоропостижной смерти Скопина есть только возможность факта отравы, но вовсе нѣтъ его дѣйствительности. Отчего же послѣ всего этого не усумниться Палицыну въ естественной смерти Скопина? А отъ этого малѣйшаго сомнѣнія, или—по нашему мнѣнію—просто незнанія, еще далеко до того, чтобы подозрѣвать Палицына въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ въ „умышленіи злыхъ челоувѣкъ“.

Въ этомъ, намъ кажется, заключается одна сторона вопроса; если же даже и признать, съ другой стороны, что Палицынъ былъ убѣжденъ въ отравленіи Скопина, то безъ всякаго сомнѣнія, это убѣжденіе (хотя и ложное) онъ не могъ не обставить разными сравненіями и нравственными разсужденіями. По нашему мнѣнію, заключеніе Палицына, которое еще болѣе заставляеть изслѣдователя ¹⁾ убѣдиться въ томъ, что Палицынъ склонялся къ мнѣнію о насильственной смерти Скопина, мало что доказываетъ: „Достойны убо похвалы

¹⁾ В. Иконниковъ въ *Древней и Новой Россіи* 1875 г. № 7, стр. 220.

въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ“, пишетъ Палицынъ, — „но не видѣша на себѣ попускаема стрѣлянія силы; древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеса... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертями боряйся мужъ зайде подъ землю“¹⁾... Эти разглагольствованія Палицына, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ многословныхъ разсужденій, которыми такъ наполнено все его сочиненіе; отъ того только, что онъ привелъ сравненіе съ Гекторомъ и Ахилломъ, доказательства его нисколько не дѣлаются болѣе убѣдительными. Правда, „въ этихъ словахъ видно полное сочувствіе автора къ печальной участи Скопина“²⁾, но отъ этого сочувствія, причины котораго мы старались выяснитъ выше, еще очень далеко до признанія насильственной смерти его; правда и то, что въ этихъ словахъ „нѣтъ и попытки оправдать его противниковъ, хотя бы отъ молвы“³⁾, но дѣло въ томъ, что ему не предстояло особенной заботливости оправдывать тѣхъ, къ кому онъ относится съ такою рѣзкостью, какъ мы уже видѣли выше. Да и не слишкомъ ли мы бываемъ требовательны, когда ищемъ критической оцѣнки тамъ, гдѣ ея нельзя и думать найдти.

Переходя затѣмъ къ извѣстію, сообщенному изслѣдуемою нами рукописью, мы приведемъ это извѣстіе въ двухъ его видахъ: въ первоначальномъ видѣ, какъ оно находится въ хронографѣ Кубасова, и въ измѣненномъ, то-есть, съ тѣми дополненіями и измѣненіями, съ какими оно вошло въ изслѣдуемую нами официальную лѣтопись⁴⁾.

Хронографъ Кубасова⁵⁾.

Царь же Василій наполнися зависти и не возлюбилъ его за сію бывшую побѣду.

Рукопись Филарета⁶⁾.

Царь же Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюбилъ его за сію бывшую побѣду, якоже и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голява и поюще Саулу въ тысяцехъ, а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣдную тѣшу приношашу и о избавленіи своемъ радо-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 221.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Зачеркнутыя позднѣйшимъ поправщикомъ мѣста обозначены курсивомъ.

⁵⁾ Изборникъ А. Попова, стр.

⁶⁾ Сборникъ Муханова, стрр. 287, 288, 289, лл. 22, 23 и 24.

Малу жь времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре

и тако погребенъ бысть честнѣ въ пречестнемъ храмѣ архистратига Михаила въ предѣлѣ его, и рыдаху по немъ вси людие царствующаго града мужскѣ полъ и женскѣ отъ мала даже и до велика.

Прибавленія въ официальной лѣтописи противъ хронографа Кубасова состоятъ въ слѣдующемъ: во первыхъ, присоединено сравненіе Василья и Скопина съ Сауломъ и Давидомъ; вовторыхъ, упоминается какъ слухъ, объ отравѣ Скопина, на крестинномъ пиру и слѣдствіи отравленія; въ-третьихъ, присоединены два текста изъ

важуся.— Оле зависти и ревню, оз колко нечестие и пощбель пореваетъ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и бесконечному мученію предаетъ.

Малу же времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре,— глаголютъ убо нѣцыя яко отравленъ бысть на крестинномъ пиру у князя Ивана Михайловича Воротынского, егда кресте сына своего князя Олексѣя, отъ князя Дмитревыя жены Ивановича Шуйскою, отъ княгини Екатерины, въ винѣ на перепивань. И такъ едва доиде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта, и пребысть похищеніе смертное.

[Слѣдуютъ двѣ выписки изъ 5-й главы Премудрости Соломона].

И тако погребенъ бысть честно въ честнемъ храмѣ святаго славнаго и всехвальнаго пророка и предтечи Крестителя Господня Ивана, честнаго ея усѣновенія, въ предѣлѣ архистратига Михаила. И рыдаху по немъ вси людие царствующаго града мужскѣ полъ и женскѣ, отъ мала и дажь и до велика. Сей жь непобѣдимый воевода много подвигъ показа, и попеченіе великое о Російскомъ государствѣ, и много Литвы поби, и на рати много храбрествовахъ; бяше бо красенъ лицомъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, нищелюбивъ бѣ и добродѣтеленъ; никого жь оскорби и никого презрихъ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая, такожь и блаженную память пріять

Премудростей Соломона и въ-четвертыхъ, прибавлена краткая характеристика Скопина.

Нравственныя разсужденія автора и заимствованія изъ Священнаго Писанія, какъ мы уже старались выяснитъ, вполне понятны: авторъ, убѣжденный слухомъ, имѣвшимъ кажущееся основаніе, полонъ сочувствія къ Скопину, и пользуясь библейскимъ сравненіемъ, старается выразитъ свое негодованіе къ виновникамъ его печальной участи. Затѣмъ извѣстіе объ отравленіи присоединено, какъ слухъ: „глаголютъ убо нѣцыя“, говоритъ авторъ, — „яко отравленъ бытъ“. Какъ слѣдуетъ относиться къ такому слуху, появленіе котораго нельзя не считать невозможнымъ, мы уже объяснили; мало доказываетъ и историческая подробность о томъ, что отравленіе совершенно не на пиру у Ивана Михайловича Воротынскаго: если былъ слухъ объ отравѣ, конечно, нужно было указать и мѣсто, гдѣ совершенно это злодѣяніе; существуетъ къ тому же и противорѣчіе съ другими извѣстіями, передающими, что Скопинъ заболѣлъ на пиру у Шуйскихъ, и что ядъ поднесенъ не то Катериной, не то Христиной, а можетъ быть, и Маріей; кровотеченіе носомъ и ртомъ хотя и не противорѣчитъ тому или другому роду отравленія, тѣмъ не менѣе не можетъ служить сколько-нибудь сильнымъ доводомъ въ пользу мнѣнія объ отравленіи: кровотеченіе могло произойти и отъ другихъ причинъ и въ свою очередь послужило основаніемъ для обвиненія въ отравленіи Скопина.

Позднѣйшій поправщикъ изслѣдуемой нами рукописи, лицо, конечно, официальное, нашель невозможнымъ удержатъ въ официальной лѣтописи, какъ извѣстіе о ненависти Василя къ Скопину, такъ и извѣстіе объ отравѣ, и зачеркнулъ оба эти мѣста. По поводу этого Мухановъ говоритъ: „Сказаніе этого лѣтописца весьма любопытно: читатели найдутъ въ немъ описаніе многихъ обстоятельствъ, о коихъ умалчиваютъ другіе историки; то, что онъ разказываетъ о смерти князя Скопина-Шуйскаго, особенно замѣчательно и едва ли не послужитъ къ разрѣшенію вопроса: естественною ли смертію умеръ Скопинъ-Шуйскій, или отъ яда“¹⁾.

Мы тоже думаемъ, что это мѣсто рукописи можетъ послужитъ къ разрѣшенію предложеннаго Мухановымъ вопроса, притомъ, если мы сопоставимъ это извѣстіе съ первоначальнымъ источникомъ; но при

¹⁾ Сборникъ Муханова, прим., стр. XXXII.

этихъ условіяхъ, врядъ ли вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ пользу установившагося мнѣнія объ отравленіи Скопина.

Кубасовъ былъ несомнѣнно современникомъ описанныхъ имъ событий и даже, по его словамъ, очевидцемъ многихъ изъ нихъ; въ виду этого обстоятельства, переданныя имъ извѣстія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Такъ, онъ сохранилъ для насъ драгоцѣнные извѣстія о томъ, что при избраніи Шуйскаго „многія друзи и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ его князя Василья“; передалъ намъ, что эти самыя клеветы Василія „наустѣша народы, да изберется царь Василей на царскій степенъ“. Нельзя сказать, чтобы въ трудѣ Кубасова высказывалась ненависть къ Василию; нѣтъ, онъ показываетъ только, что онъ вовсе не его сторонникъ, передаетъ совершенно спокойно обо всемъ, что касается Василія, указываетъ на его зависть къ Скопину и влагаетъ въ уста толпѣ, требовавшей, чтобы Василій отказался отъ престола, слѣдующія слова: „да отоимется царская держава отъ царя Василья, понеже мужъ крове еси и вси людие мечомъ погибоша за него и грады раскопаны суть и вся Россійская держава запустѣнія прія...“ При такомъ отношеніи въ своемъ трудѣ къ царю Василию, этотъ самый Кубасовъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не упоминаетъ о насильственной смерти Скопина. Совершенно спокойно замѣчаетъ онъ, что „малу же времени минувшу разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре и тако погребенъ бысть честнѣ въ пречестнемъ храмѣ архистратига Михаила“. Что изъ этого слѣдуетъ заключить? Ужь, конечно, не то, что до Кубасова, современника и очевидца описанныхъ имъ событий, не доходило подобныхъ слуховъ; этого, безъ сомнѣнія, быть не могло; а узнавъ объ этомъ слухѣ, еслибы послѣдній имѣлъ хотя малѣйшее основаніе, какъ легко было потерять то спокойствіе духа, съ которымъ авторъ описываетъ дѣйствія Василія, и какъ трудно было бы, при упоминаніи о козняхъ Шуйскаго противъ защитника Русскаго народа, удержаться на ступени той объективности, которую авторъ такъ послѣдовательно проводитъ въ своемъ трудѣ? Неужели Кубасовъ, постоянно упоминающій о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ Шуйскаго, умолчалъ бы о томъ насиліи, которое было совершено надъ защитникомъ Русскаго народа. Ясно, стало быть, что Кубасовъ не только не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ, но даже не счелъ возможнымъ упомянуть о нихъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ ниже, эти слухи существовали только въ пер-

вое время при извѣстіи о внезапной смерти Скопина. А ужь это обстоятельство заставляетъ сильно подозрѣвать достовѣрность сообщеннаго другими источниками слуха объ отравленіи Скопина.

Такого рода заключенія не могутъ, какъ намъ кажется, не найдти нѣкотораго оправданія еще въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Какъ мы уже говорили, извѣстія объ отравѣ Скопина наполнены противорѣчіями. Но существенное разногласіе заключается, по нашему мнѣнію, не въ томъ, какъ думаетъ г. Иконниковъ, что по однимъ — послѣдній пиръ оказывается у Воротынскаго, по другимъ — у Шуйскихъ¹⁾, и не въ томъ, конечно, что одни называютъ отравительницей Катерину, другіе Христину, а третьи Марію; существенное противорѣчіе заключается именно въ томъ, что одни указываютъ, какъ на виновника насильственной смерти Скопина, на царя Василія, а другіе — на Дмитрія Шуйскаго. А ужь это обстоятельство прямо говоритъ въ пользу того, что современники, не вполне убѣжденные въ насильственной смерти Скопина, не знали, чьи интересы могли отъ этого выиграть больше, и стали называть виновниками то одного, то другого.

Другое обстоятельство, подвергающее сомнѣнію достовѣрность извѣстій объ отравленіи, состоитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что ни въ одномъ изъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ нѣтъ подробнаго, обстоятельнаго, сколько-нибудь объективнаго разказа объ этомъ печальномъ событіи. По видимому, болѣе подробный разказъ представляетъ Псковская лѣтопись; но въ ней мы видимъ только наборъ нравственныхъ сентенцій и сравненій, массу замѣчаній, дышащихъ ненавистью къ виновникамъ насилія и при всемъ томъ почти ни одного собственно историческаго обстоятельства, касающагося разбираемаго факта: въ ней нѣтъ упоминанія даже о болѣзни Скопина, ни о пирѣ у Воротынскаго. Болѣе обстоятельное изложеніе представляетъ историческая пѣсня, сложенная по поводу внезапной смерти Скопина и приводящая такія подробности, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ историческомъ повѣствованіи. Тамъ говорится, что на пиру у Воротынскаго хмѣльные бояре расхвастались кто силою, кто богатствомъ. Скопинъ тоже началъ хвастаться своими заслугами, что не могло понравиться боярамъ: они и подсыпали зелья въ стаканъ меду. Но, во первыхъ, пѣсня — не строгое историческое свидѣтельство, а во вторыхъ, хвастаніе силой и богатствомъ

¹⁾ Древняя и Новая Россія 1875 г., № 7, стр. 226.

есть обыкновенный приемъ въ исторической пѣснѣ, что мы находимъ, напримѣръ, и въ пѣсняхъ ообъ Иоаннѣ Грозномъ: и тамъ представлено, что на царскомъ пиру расхвастались князья и бояре — кто силою, кто богатствомъ¹⁾. Такимъ образомъ, трудно согласиться съ г. Иконниковымъ, будто бы въ вышеприведенной пѣснѣ „вѣрно схвачены историческія и бытовыя черты“²⁾. Бытовыя черты — съ этимъ мы согласны; что же касается историческихъ, то кромѣ имени, мы здѣсь ничего не находимъ. Изъ иностранныхъ извѣстій, нѣкоторыя ужь отвергнуты, напримѣръ, извѣстіе Буссова³⁾ и г. Соловьевымъ; другія не заслуживаютъ вниманія, потому, напримѣръ, что, самъ авторъ, сообщившій извѣстіе, не знаетъ, какъ это случилось⁴⁾; что же касается до Жолѣвскаго, записки котораго имѣютъ большую цѣну въ глазахъ историковъ смутнаго времени, то намъ кажется, что именно его извѣстіямъ слѣдуетъ придать большее значеніе. А тамъ именно находимъ мы слѣдующее важное сообщеніе: „Между тѣмъ Скопинъ, въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, умеръ, отравленный, какъ сперва носились слухи, съ согласія Шуйскаго, вслѣдствіе ревности, бывшей между ними; послѣ же разспросовъ оказывается⁵⁾, что онъ умеръ отъ лихорадки“⁶⁾. Ошибочно считать эти слова жесткими и вовсе нельзя понимать ихъ такъ, какъ будто на разспросы Жолѣвскаго Русскіе, желая скрыть фактъ отравленія, отвѣчали, что Скопинъ умеръ отъ лихорадки; такого смысла нельзя придавать этимъ словамъ потому, что у современниковъ ходили упорные слухи о насильственной смерти Скопина; слѣдовательно, если Жолѣвскому не отвѣчали обвиненіями Шуйскихъ въ отравленіи, что могло возникнуть именно въ первое время послѣ внезапной смерти Скопина, — то дѣлается вполне яснымъ и несомнѣннымъ, что Русскіе черезъ нѣсколько времени сами перестали придавать значеніе этимъ слухамъ и убѣдились въ естественной смерти Скопина. Все вышеприведенныя соображенія, по нашему мнѣнію, не могутъ

¹⁾ Ано Галаховъ, *Исторія Рус. Словесности*, т. I, стр. 168 и 268.

²⁾ *Древняя и Новая Россія* 1875 г., № 7, стр. 226.

³⁾ *Regum rossicarum scriptores exteri*, т. I, стр. 102.

⁴⁾ *Дневникъ похода Сигизмунда*, III, стр. 584.

⁵⁾ Или: «Между тѣмъ, если начнешь распрашивать, то выходитъ»; см. ст. г. Иконникова въ *Древн. и Нов. Россіи* 1875 г., № 7, стр. 225.

⁶⁾ У Муханова переведено: отъ горячки. Сборникъ *Муханова*, примѣчаніе XXXVII.

не усилить сомнѣнія въ достовѣрности дошедшихъ до насъ извѣстій о насильственной смерти Скопина и наводятъ на мысль, что только неумѣніе современниковъ объяснить себѣ внезапную его смерть иначе, какъ насиліемъ, заставило повѣствователей придать слишкѣмъ много вѣры распространеннымъ тогда, только въ первое время, слухамъ объ отравленіи, что притомъ было на руку тѣмъ изъ повѣствователей-современниковъ, которые, относясь вообще съ недоброжелательствомъ и враждою къ предполагавшимся виновникамъ смерти Скопина, всегда готовы были внести лишній фактъ, хотя и мало достовѣрный, для обвиненія тѣхъ, къ кому сами были не расположены.

И такъ, въ основу изслѣдуемой нами рукописи вошла, какъ мы видѣли, оригинальная часть Кубасовскаго хронографа, начиная съ царствованія Василя Ивановича Шуйскаго и кончая даже слѣдующимъ заключеніемъ хронографа, сдѣланнымъ послѣ описанія избранія Михаила Федоровича на царство: „Сему писанію конецъ и предлагаемъ, дѣла толикіе вещи во вѣки не забываемъ, настоящаго изыскуемъ, въ пространную сію исторію сія пишемъ словеса писанію превосходить въ конецъ, умъ человекъ никто же можетъ исповѣсть“¹⁾.

Извѣстія хронографа Кубасова, перешедшія въ лѣтопись, подвергались въ ней нѣкоторымъ передѣлкамъ и дополненіямъ. Необходимость и извѣстный характеръ этихъ передѣлокъ легко объясняются, какъ мы уже видѣли, самымъ характеромъ изслѣдуемой нами рукописи, какъ лѣтописи официальной. Что же касается дополненій, вошедшихъ въ нее, то составители собирали ихъ изъ другихъ источниковъ, но имѣвшихъ тотъ же самый характеръ, какъ и изслѣдуемая нами рукопись, то-есть, характеръ официальный. Мы уже указывали, что въ изслѣдуемой рукописи встрѣчается одно извѣстіе, которое по своей достовѣрности заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ соответствующія извѣстія остальныхъ источниковъ, и которое не находится у Кубасова. Изъ какого рода источника составитель лѣтописи могъ взять это извѣстіе? Или, быть можетъ, онъ былъ очевидцемъ? Это послѣднее предположеніе нисколько не можетъ пояснить дѣла, потому что, если бы составитель лѣтописи и видѣлъ вѣнчаніе Василя Шуйскаго своими глазами, то черезъ двадцать лѣтъ (когда—какъ увидимъ ниже—со-

¹⁾ Изборникъ Попова, стр. 313; Сборникъ Муханова, стр. 330. II V X X

ставилась (эта лѣтопись) легко могла быть позабыта подробность чисто хронологическая: былъ ли тогда Ермогенъ уже посвященъ въ патриархи, или же получилъ этотъ санъ лишь нѣсколько дней спустя? При воспоминаніи объ этомъ времени у составителя могъ рисоваться преимущественно образъ Ермогена, какъ такого лица среди духовенства, которое своимъ характеромъ и своею дѣятельностію рѣзко выдѣлялось изъ массы другихъ; напротивъ того, о малоизвѣстномъ митрополитѣ Исидорѣ онъ легко могъ бы забыть. Поэтому на вопросъ: кто вѣнчалъ Василія—могъ быть одинъ только (невѣрный) отвѣтъ: Ермогенъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, что дѣйствительно было трудно помнить эту подробность, подтверждается тѣмъ, что всѣ остальные современники-очевидцы также ничего не помнили объ Исидорѣ и на упомянутый выше вопросъ отвѣчали именно такъ, какъ мы сказали: Василія вѣнчалъ Ермогенъ. Что это извѣстіе сообщено составителемъ изслѣдуемой рукописи вовсе не по его собственной памяти, доказывается и тѣмъ, что составитель въ другомъ мѣстѣ дѣлаетъ ошибку и упоминаетъ о встрѣчѣ патриархомъ Ермогеномъ мощей Димитрія, чего вовсе не было; еслибы составитель самъ помнилъ, что Ермогена тогда еще не было въ Москвѣ, и что онъ не былъ еще патриархомъ, то онъ, конечно, не впалъ бы въ такую ошибку. Очевидно, извѣстіе о вѣнчаніи Василія Исидоромъ внесено составителемъ лѣтописи не по памяти, а съ какой-нибудь записи, и притомъ такой, которая была сдѣлана немедленно послѣ событія; это послѣднее условіе необходимо предположить потому, что, какъ мы уже видѣли, даже современники-очевидцы, записавшіе это извѣстіе не тотчасъ, а уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, всѣ впали въ одинаковую ошибку. Можно навѣрное предположить, что то была записъ не частнаго лица, а какого-либо официальнаго источника, въ который эта хронологическая подробность не могла быть внесена невѣрно, и изъ котораго она, безъ сомнѣнія, и заимствована составителемъ изслѣдуемой рукописи.

Что дѣйствительно нѣтъ ничего рискованнаго предположить, что составители лѣтописи пользовались вообще источниками официальными, подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: Въ описаніи перенесенія мощей Димитрія говорится, что Василій Шуйскій отправилъ въ Угличъ за мощами слѣдующихъ лицъ: „преосвященнѣйшаго митрополита киръ Филарета Никитича, ижъ бо тогда правящаго престоль Ростовскаго и Ярославскаго, днесъ же правящаго престоль великія соборныя и апостольскія церкви пресвѣтѣйшаго па-

тріарха всея великія Россія, и съ нимъ Астороханскаго архіепископа Θεодосія да Спасскаго архимарита Авраамія.. съ нимъ жъ посылаетъ и своего царьскаго синклита боярь: князь Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметева, да Ондreja Александровича, да Григорья Федоровича Нагихъ¹⁾. Если мы сравнимъ этотъ списокъ лицъ и порядокъ этого перечня съ тѣмъ перечнемъ, который находимъ въ грамотахъ самого Василія²⁾, то замѣтимъ между ними нѣкоторую разницу. Такъ, въ этихъ грамотахъ говорится, что Василій послалъ въ Угличъ Спасскаго архимарита Сергія да Андроньевскаго архимарита Авраамія, въ рукописи же только — Спасскаго архимарита Авраамія. Причина такой разницы въ перечняхъ понятна: она состоитъ въ томъ, что въ рукописи, по ошибкѣ выпущены слова: „Сергія да Андроньевскаго архимарита“, вслѣдствіе чего Андроньевскій архимандритъ Авраамій у составителя лѣтописи обратился въ Спасскаго архимандрита Авраамія. Кромѣ этого разногласія, нельзя не замѣтить еще небольшой разницы въ томъ порядкѣ, въ какомъ поименованы въ этихъ двухъ спискахъ послы Василія. Такъ, въ грамотахъ Василія названы: Григорій Θεодоровичъ, да Андрей Александровичъ Нагіе; а въ рукописи наоборотъ: „Ондрей Александровичъ“ да „Григорій Θεодоровичъ“ Нагіе. Если же мы обратимся къ отрывку грамоты вдовствующей царицы Марен Θεодоровны къ жителямъ города Ельца³⁾, то найдемъ въ немъ тотъ же самый списокъ лицъ и ту же самую ошибку, какая встрѣчается въ изслѣдуемой нами рукописи. Нельзя предположить, чтобы составитель ея пользовался именно этою грамотой царицы Марен, потому что въ такомъ случаѣ онъ внесъ бы въ лѣтопись, вѣроятно, и кое-что другое, находящееся въ этой грамотѣ; напротивъ того, существуютъ нѣкоторыя противорѣчія между извѣстіями грамоты и рукописи. Нельзя также предположить, чтобы грамота Марен и списокъ лицъ, находящійся въ изслѣдуемой нами рукописи, были составлены по грамотамъ Василія, потому что вовсе нельзя допустить, чтобы оба составителя одинаковымъ образомъ ошиблись. Ясно, значить, долженъ быть иной источникъ, общій для грамоты Марен и для изслѣдуемой нами рукописи. Что письменный

¹⁾ Сборникъ Муханова, стр. 267, л. 3.

²⁾ Въ извѣстительной грамотѣ (Собрание госуд. грам. и догов., т. II, № 147); въ грам. въ Пермь Великую отъ 6-го іюня (А. А. Э., т. II, № 48).

³⁾ Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, т. II, № 149.

источникъ для граматы царицы Марѳы долженъ быть непременно, видно изъ того, что эта грамата составлена мѣсяца три спустя послѣ описанныхъ въ ней событій, и слѣдовательно, трудно предположить, чтобъ она была составлена на память, наизусть, тѣмъ болѣе, что въ ней разказывается многое то же самое, что и въ граматахъ Василія, и притомъ въ совершенно сходныхъ выраженіяхъ. Ясно, что источникъ для граматы Марѳы и для изслѣдуемой рукописи былъ хотя и во многомъ сходенъ съ граматами Василія, но все-таки нѣсколько и отличался отъ нихъ. Таковой источникъ для граматы царицы Марѳы (общій и для рукописи) могъ быть только официальный: содержаніе граматы, которою Василій оповѣщалъ о чудесахъ Дмитрія, безъ сомнѣнія, было записано въ какую-нибудь официальную лѣтопись, въ которую внесена была упомянутая ошибка, попавшая и въ грамату царицы Марѳы, и въ изслѣдуемую нами рукопись¹⁾.

И такъ, кажется, есть полное право утверждать, что составители изслѣдуемой рукописи, дѣлая кое-какія прибавленія къ извѣстіямъ хронографа Кубасова, пользовались для этой цѣли и нѣкоторыми официальными источниками.

Изъ того обстоятельства, что извѣстія о нѣкоторыхъ фактахъ встрѣчаются только въ изслѣдуемой рукописи и въ одномъ изъ изводовъ Новаго Лѣтописца, мы не можемъ не заключить съ большею или меньшею вѣроятностію, что составители рукописи пользовались однимъ изъ этихъ изводовъ. Такъ, мы можемъ указать на слѣдующіе факты, упоминаемые только въ этихъ двухъ источникахъ: 1) предложеніе разслать граматы во всѣ города Московскаго государства для избранія царя (Василія Шуйскаго) на царство²⁾; 2) упоминаніе о

¹⁾ Что это былъ за официальный источникъ—довольно трудно рѣшить при тѣхъ средствахъ, которыми мы пользуемся въ настоящее время: были ли это разряды, или что-нибудь другое, тоже официальное. Хотя, съ одной стороны, относительно веденія разрядныхъ книгъ до насъ дошло извѣстіе, что съ 1605 до 1613 года «разряды были неписываны»; но съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельство патриарха Ермогена, который въ одной изъ граматъ своихъ пишетъ: «и то чудо въ лѣтописцѣхъ записали мы» (А. А. Э., т. II, № 169). «И такъ», говоритъ одинъ ученый, «современныя знаменитія событія записывалъ онъ въ лѣтопись» (см. *Филарета*, архіепископа Харьковского: *Обзоръ Русской духовной литературы, 862—1720 гг.*, стр. 370). Думаемъ поэтому, что наше предположеніе о существованіи официальной лѣтописи, веденной за это время, не исполнено безосновательно.

²⁾ Сборникъ *Музанова*, стр. 264, л. 1; *Временникъ Московскаго Историческаго Общества*, кн. XVII, стр. 74; *Русская Лѣтоп. по Никонову списку*, т. VIII, стр. 75; *Лѣтоп. о Мят.*, стр. 102.

злой смерти въ Литвѣ измѣнника Михаила Глѣбова Салтыкова и упоминаніе о его соумышленникахъ Василѣ, Яковѣ и Ефимѣ Витовтовѣ, о которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается ¹⁾. Высказанное сейчасъ предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ обоихъ этихъ источникахъ являются однѣ и тѣ же ошибки; такъ, и здѣсь, и тамъ говорится о встрѣчѣ Ермогеномъ мощей Димитрія ²⁾. Ошибка эта, пожалуй, извинительна въ изводахъ Новаго Лѣтописца, гдѣ говорится, что Ермогенъ вѣнчалъ на царство Василя; слѣдовательно, по соображенію автора, онъ долженъ присутствовать и при встрѣчѣ мощей (черезъ два дня послѣ вѣнчанія). Но въ рукописи говорится, что Василя вѣнчалъ на царство Исидоръ, и что Ермогенъ находился еще въ изгнаніи; а потому, если она говоритъ, что Ермогенъ присутствовалъ при встрѣчѣ мощей (что, какъ мы уже видѣли, невозможно), то значить, повторяетъ или списываетъ чужую ошибку.

Составители изслѣдуемой рукописи пользовались, по всей вѣроятности, древнѣйшимъ изводомъ Лѣтописца, именно—Новымъ Лѣтописцемъ, гдѣ—что еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе—общіе факты разказываются въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такъ, о предложеніи разслать грамоты во все города для избранія Василя Шуйскаго, говорится въ одномъ изъ позднѣйшихъ изводовъ, въ Книгѣ глаголемой Новый Лѣтописецъ: „начаша бояре думати, какъ бы сослатца со всею землею; а въ другомъ, въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, сказано: „начаша бояре думати, како бы согласиться со всею землею...“. Въ рукописи же говорится о томъ же такъ: „и нача глаголати, дабы разослаша грамоты во все окрестные грады“, что сходно съ выраженіемъ, употребленнымъ въ Новомъ Лѣтописцѣ: „начаша мыслити, ... како послати грамоты по градамъ...“.

И такъ, 1) факты, встрѣчаемые только въ изслѣдуемой нами рукописи и въ одномъ изъ изводовъ Новаго Лѣтописца; 2) однѣ и тѣ же ошибки, находимыя у составителей обѣихъ этихъ лѣтописей, и наконецъ, 3) нѣсколько (мы не приводили другихъ примѣровъ) даже сходныхъ выраженій въ описаніи однихъ и тѣхъ же фактовъ,—все

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 289, л. 24; 290, л. 25; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 142; Лѣтопись о Мятежахъ, стр. 191.

²⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. 270, л. 5; *Временникъ*, кн. XVII, стр. 75; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, стр. 78; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 106.

эти обстоятельства, кажется, подтверждают тотъ выводъ, что составители рукописи, приписываемой патриарху Филарету, пользовались древнѣйшимъ изводомъ Новаго Лѣтописца. Можетъ казаться нѣсколько страннымъ, что составители официальной лѣтописи избрали главнымъ источникомъ для своего труда хронографъ Кубасова, то-есть, такое сочиненіе, въ которомъ высказывается много неблагопріятныхъ замѣчаній относительно правительства смутнаго времени. Имѣя цѣлю установить извѣстный опредѣленный взглядъ на событія смутной эпохи, составители должны были бы избрать такой источникъ, который по своему характеру нисколько не противорѣчилъ бы взглядамъ и видамъ правительства, утвердившагося послѣ смутнаго времени. Это противорѣчіе разрѣшается, конечно, тѣмъ, что вслѣдствіе передѣлокъ, которымъ подвергся хронографъ Кубасова, подъ руками составителей рукописи онъ совершенно измѣнилъ свой характеръ; но нельзя также не замѣтить, что официальные лица, находя нужнымъ познакомить народъ съ событіями смутной эпохи по какому-нибудь произведенію, отличающемуся своими литературными достоинствами, легко могли избрать для такой цѣли именно трудъ Кубасова, такъ какъ этотъ хронографъ по своему эпическому слладу и поэтическому языку представляетъ лучшее произведеніе изъ ряда ему подобныхъ. Справедливость такого рода соображенія мы можемъ пояснить слѣдующимъ фактомъ: хронографъ Кубасова легъ въ основаніе не только рукописи, приписываемой патриарху Филарету, какъ это мы старались доказать въ настоящемъ изслѣдованіи, но даже и нѣкоторой части официальныхъ Дворцовыхъ Разрядовъ: составители ихъ заимствовали изъ Кубасова отдѣльное повѣствованіе о Мининѣ и Пожарскомъ, за которымъ уже начинаются собственно разряды 1612 года ¹⁾. Въ этомъ легко убѣдиться, всякому, кто сопоставитъ это повѣствованіе ²⁾ съ параллельными мѣстами, какъ хронографа Кубасова ³⁾, такъ и рукописи, приписываемой патриарху Филарету ⁴⁾.

V.

Кто же составлялъ эту лѣтопись? Наши ученые до сихъ поръ полагали, что лѣтопись эта была составлена патриархомъ Филаретомъ;

¹⁾ Дворцовые разряды, т. I, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 2—8.

³⁾ Изборникъ А. Попова, стр. 310—313.

⁴⁾ Сборникъ Муханова, стр. 317—330.

такъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ своей Русской Исторіи, говоритъ: „Важному дѣятелю въ событіяхъ смутной эпохи, Филарету Никитичу Романову, приписывается изображеніе событій смутнаго времени, извѣстное подъ именемъ „Рукописи Филарета“¹⁾. Устряловъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Сказаніямъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ также называетъ эту лѣтопись „повѣстью Филарета“²⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ выражается даже слѣдующимъ образомъ: „Предлагаемъ здѣсь описаніе перенесенія мощей царевича Димитрія, составленное очевидцемъ, митрополитомъ Филаретомъ, заимствуя его изъ повѣсти о самозванцахъ“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, приводя слова изъ изслѣдуемой нами рукописи, Устряловъ выражается такъ: „Вотъ что говоритъ Филаретъ о разрушеніи Москвы“⁴⁾.

То же или почти то же самое говоритъ и Мухановъ о „Почеркѣ написавшихъ текстъ изданной нами рукописи, не сходенъ съ почеркомъ патриарха Филарета; впрочемъ, это обстоятельство не должно рождать въ насъ сомнѣнія въ участіи, которое могъ имѣть патриархъ въ составленіи напечатанной нами рукописи, если мы примемъ къ соображенію, что патриархъ велъ даже семейную свою переписку съ царемъ и царицею рукою своихъ дьяковъ“⁵⁾.

Послѣ того, какъ мы убѣдились, что въ основаніи изслѣдуемой нами рукописи легъ хронографъ Кубасова, хотя, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, едва ли есть какая-либо возможность приписывать „изложеніе этихъ событій важному дѣятелю смутной эпохи Филарету“⁶⁾. Можно ли допустить, чтобы такое лицо,

¹⁾ Русская Исторія, т. I, введене, стр. 53.

²⁾ Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, т. II, прим. 37, 41, 46, 77.

³⁾ Тамъ же, прим. 58.

⁴⁾ Тамъ же, прим. 67. Одинъ изъ писателей, занимавшихся русскою исторіей въ 30-хъ годахъ, даже называетъ эту рукопись *возмою* по тому дѣйстви-тельно эпическому складу рѣчи, котораго нельзя не замѣтить въ мѣстахъ рукописи, представляющихъ полное, дословное сходство съ хронографомъ Кубасова (см. Примѣчанія (Ст. Руссова) на книгу, г. Беркомъ изданную, стр. 7; разумется: *Берга*, Царствованіе царя Михаила Феодоровича и взглядъ на междуцарствіе): «Въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась современная рукопись съ заглавіемъ: Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ царя Бориса Годунова замѣшательствахъ съ 1606 по 1613 г. Сія повѣсть неизвестно кѣмъ написана, хотя прозою, но слогомъ эпическимъ и кончена нѣсколькими стихами (неправильными), такъ что приличнѣе можно назвать ее поэмой, нежели лѣтописью».

⁵⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXIV.

какъ патриархъ Филаретъ, принимало хотя какое-нибудь участіе въ составленіи лѣтописи, которая въ значительно большей своей части представляетъ чужой трудъ и притомъ такой, въ которомъ можно встрѣтить много доказательствъ нерасположенія автора къ правительству смутнаго времени? Для кого-либо другаго изъ официальныхъ лицъ, менѣе видныхъ по своей дѣятельности, такое участіе въ составленіи лѣтописи было бы возможно; а то отступленіе, которое дозволилъ себѣ составитель, сказавшій о зависти и ненависти Василія къ Скопину, отступленіе, немыслимое для патриарха Филарета, сильнѣе всего убѣждаетъ насъ въ томъ, что патриархъ не могъ принимать никакого участія въ составленіи изслѣдуемой нами рукописи.

Почему же эта рукопись названа Филаретовскою? Первую ссылку на эту рукопись сдѣлалъ Карамзинъ, выразившись такъ: „Въ повѣсти о бывшихъ вѣдствіяхъ, писанной на столбцѣ для (?) патриарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленной, вѣроятно, его рукою“¹⁾. Знаменитый исторіографъ основалъ свое предположеніе, безъ сомнѣнія, на той надписи, которая сдѣлана на оберткѣ тетради, составленной изъ листовъ рукописи. Но надпись эта (которую мы привели выше), по мнѣнію Муханова, сдѣлана въ половинѣ прошедшаго столѣтія²⁾. Поэтому онъ весьма основательно дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе на предположеніе Карамзина: „Если Карамзинъ основалъ свое мнѣніе только на одномъ заглавіи, то кажется, этого недостаточно, тѣмъ болѣе, что оно написано въ позднѣйшее время“...³⁾ и далѣе: „Тотъ, кто сдѣлалъ надпись на оберткѣ, хотя и говоритъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукопись была поправлена рукою Филарета, но какъ видно, говоритъ неутвердительно, а только предполагаетъ (уловательно)“...⁴⁾

Мухановъ, сличивъ почеркъ руки такъ-называемаго „перваго поправщика“, который несравненно болѣе другихъ участвовалъ въ исправленіи рукописи, и притомъ въ самыхъ важныхъ ея мѣстахъ, съ почеркомъ руки Филарета, нашель, что почеркъ поправщика дѣй-

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, т. XI, пр. 570; см. также вышеупомянутыя Примѣчанія Ст. Руссова на книгу Берга, стр. 7, прим. «Сія рукопись Филаретовою называется не потому, что будто бы сей пастырѣ ее сочинилъ, но по той только причинѣ, что она, вѣроятно, принадлежала его библиотецѣ и его, какъ думаютъ, рукою приписано нѣсколько десятковъ строкъ»...

²⁾ Сборникъ Муханова, прим., стр. XXXI.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. XXXIII.

ствительно представляет нѣкоторое сходство съ почеркомъ Филарета. „Говоримъ“, продолжаетъ онъ, — „нѣкоторое, потому что въ совершенномъ сходствѣ мы не можемъ утверждать“¹⁾. Впрочемъ, это несовершенное сходство почерка перваго поправщика съ почеркомъ Филарета Мухановъ объясняетъ тѣмъ, что „всѣ поправки и приписки сдѣланы или между строками, или на поляхъ; въ обоихъ случаяхъ мѣста было мало, что и заставило поправщика писать очень мелкимъ письмомъ, что влекло за собою нѣкоторое измѣненіе въ почеркѣ, а такъ какъ Филаретъ писалъ очень крупными буквами, то въ его поправкахъ (если онѣ были) это измѣненіе почерка неминуемо было значительнѣе“²⁾. Справедливость такого объясненія Мухановъ какъ бы подтверждаетъ еще слѣдующимъ замѣчательнымъ, по его мнѣнію, обстоятельствомъ: первый поправщикъ болѣе другихъ участвовалъ въ исправленіи рукописи, и притомъ въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, какъ, напримеръ, о смерти князя Скопина-Шуйскаго (л. 22 и 23) и о Клушинскомъ сраженіи (л. 26). Поправки его прерываются на 31-мъ листѣ; на 32-мъ листѣ и на слѣдующихъ не находится уже ни одной его поправки; это обстоятельство замѣчательно, по мнѣнію Муханова потому, что первая половина рукописи излагаетъ событія до отъезда въ Смоленскъ московскихъ пословъ, въ числѣ коихъ былъ и Филаретъ; именно на 32-мъ листѣ упоминается объ отъздѣ изъ Москвы митрополита Филарета и прочихъ пословъ³⁾.

Намъ, напротивъ, это послѣднее обстоятельство, чисто случайное, не кажется сколько-нибудь замѣчательнымъ, тѣмъ болѣе, что поправки почти вовсе прекращаются на 32-мъ листѣ, и попадаетъ только исправленіе на листѣ 44-мъ, да замѣтка на поляхъ листа 66-го.

Однако, мнѣніе, что исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ изслѣдуемой нами рукописи сдѣлано патриархомъ Филаретомъ, мнѣніе, въ первыхъ, высказанное, только какъ предположеніе, лицомъ, сдѣлавшимъ надпись на оберткѣ и жившимъ слишкомъ столѣтіемъ позже, а вовторыхъ, не подтверждающееся совершеннымъ сходствомъ почерка патриарха Филарета, мнѣніе это принято было до сихъ поръ нашими учеными, которые вполне признавали силу приведенныхъ Мухановымъ оснований⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ Муханова, прим. стр. XXXIV.

²⁾ Сборникъ, прим., стр. XXXIV.

³⁾ Сборникъ Муханова, прим. XXXIII.

⁴⁾ См. статью В. И. Иконникова: Князь Скопинъ-Шуйскій (*Древняя и Новая Россія* 1875 г., № 7, стр. 221, прим.). Кстати считаемъ полезнымъ испра-

Мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ указать на одно обстоятельство, которое должно привести къ совершенно противоположному заключенію, то-есть, что такъ-называемый „первый поправщикъ“ вовсе не былъ патриархъ Филаретъ.

Не имѣвъ возможности изучить рукопись въ ея подлинникѣ, ни слѣдить почеркъ поправщика съ почеркомъ Филарета, мы рѣшились, для разъясненія вопроса о принадлежности или непринадлежности исправленій въ рукописи патриарху Филарету, употребить иной приемъ. До насъ дошло нѣсколько грамотъ Филарета, бывшаго тогда еще митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, въ которыхъ онъ, извѣщая своихъ прихожанъ о томъ, что сообщаютъ ему Ермогенъ и Василій Шуйскій о происшествіяхъ въ Москвѣ, проситъ ихъ молиться Богу о дарованіи царю побѣды надъ мятежниками¹⁾. Въ Филаретовыхъ грамотахъ грамоты Ермогена или Василя Шуйскаго прописаны слово въ слово; слѣдовательно, о событіяхъ, происходившихъ въ Москвѣ, гдѣ Филаретъ въ это время, конечно, не былъ, онъ могъ знать едва ли иначе, чѣмъ ему сообщали Ермогенъ и Василій Шуйскій; а ужъ во всякомъ случаѣ, еслибъ онъ исправлялъ рукопись, то какъ лицо официальное, онъ внесъ бы въ официальную лѣтопись всѣ факты такъ, какъ ему было извѣстно по грамотамъ Ермогена и Василя Шуйскаго. Стало быть, если существуютъ какія-либо противорѣчія между показаніями грамотъ Филарета и изслѣдуемою рукописью, то всѣ эти противорѣчія должны, по нашему мнѣнію, служить довольно вѣскимъ доказательствомъ, что рукопись не могла быть исправлена патриархомъ Филаретомъ.

На такія противорѣчія мы сейчасъ укажемъ. Сказавъ о приходѣ Болотникова къ Москвѣ, составитель рукописи говоритъ: „Царь Василей Ивановичъ, имѣя Бога помощника, ни мало, не усумнися о семь,

вить одинъ, недосмотръ почтеннаго изслѣдователя. Опредѣляя день смерти Скопина, изслѣдователь замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, отмѣтка числа на полѣ (23-го апрѣля) въ рукописи Филарета, при краткости всего изложенія этого событія, относится ко дню смерти Скопина, а не пира у Воротынскаго (*Древняя и Новая Россія* 1875 г., № 7, стр. 217). Затѣмъ, приведа мѣсто изъ рукописи, г. Иконниковъ продолжаетъ: «Современники должны были лучше помнить день смерти Скопина, которая произвела такое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, нежели время пира у Воротынскаго». Хорошо было бы, еслибъ это число выставилъ современникъ описанныхъ событій; а если повѣрить словамъ Муханова, то окажется, что «года, мѣсяцы и дни выставлены на поляхъ издателемъ; въ подлинникѣ ихъ не находится»; см. приложенія къ Сборнику Муханова 1866 года.

¹⁾ А. А. Э., т. II, № 57, 58, 59, 73, 74.

но милостиво посылаетъ къ нимъ, да престанетъ коварство ихъ безъ крови, они жъ ни мало не внимае¹⁾. Другими словами: авторъ говоритъ, что никто не принялъ предложенія Василя перейти на его сторону. Между тѣмъ, въ грамотѣ Филарета отъ 30-го ноября 1606 года къ протопопу Устюжскаго Успенскаго собора Константину говорится: „Государь милостивъ, ждетъ ихъ воровъ къ себѣ обращенія, и чтобы престала брань междоусобная и погибели бы крестьяномъ не было, къ нимъ злодѣемъ отъ Москвы не единъ же отторжеся, а отъ нихъ къ государю приѣзжаючи многіе добиваютъ челомъ и государь милостивъ ихъ вины имъ отпускаетъ“²⁾. Въ другой грамотѣ отъ того же числа и къ тому же лицу говорится слѣдующее: „Да къ Москвѣ же, ноября въ 15-й день, отъ нихъ злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей, изъ Коломенскаго приѣзжали къ государю царю и великому князю Василю Ивановичу всеа Русіи, съ винами своими, Рязанцы Григорей Сумбуловъ да Прокопей Ляпуновъ, а съ ними многіе Рязанцы дворяня и дѣти боярскіе, да стрѣльцы Московскіе, которые были на Коломнѣ“³⁾. Въ изслѣдуемой нами рукописи это мѣсто, противорѣчащее показаніямъ грамоты Филарета, не исправлено, какъ бы должно было быть, еслибы поправщикомъ былъ патріархъ Филаретъ.

Другое противорѣчіе: Въ рукописи говорится: „придоша къ царю Василю на помощь Смольяне“⁴⁾. Поправщикъ это мѣсто зачеркнулъ. Между тѣмъ, въ одной изъ вышеупомянутыхъ грамотъ Филарета говорится о приходѣ къ царю Смольнянъ на помощь⁵⁾. Поправщикъ, еслибы таковымъ былъ патріархъ Филаретъ, не могъ опять-таки зачеркнуть это мѣсто, какъ вполне согласное съ тѣмъ, что говорится въ его грамотахъ.

И такъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, мы имѣемъ, кажется, полное право утверждать, что патріархъ Филаретъ не составлялъ изслѣдуемой нами рукописи и не исправлялъ ея. Назваться эта лѣтопись „Филаретовскою“ можетъ развѣ только потому, что она составлялась въ патріаршество Филарета.

Остается рѣшить вопросъ: въ какое же именно время составлена изслѣдуемая рукопись?

1) Сборникъ *Муханова*, стр. 273, л. 8.

2) А. А. Э., т. II, № 57.

3) А. А. Э., т. II, № 58.

4) Сборникъ *Муханова*, стр. 273, л. 8.

5) А. А. Э., т. II, № 58.

Относительно этого Мухановъ говоритъ слѣдующее: „Почеркъ написавшихъ текстъ изданной нами рукописи принадлежитъ къ началу XVII столѣтія, то-есть, къ періоду времени, описанному въ самой лѣтописи“¹⁾. Періодъ времени, описанный въ рукописи, начинается съ царствованія Василя Шуйскаго и оканчивается избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, слѣдовательно, это—періодъ съ 1606 по 1613 годъ: къ этому времени Мухановъ и относитъ составленіе лѣтописи. Но Мухановъ не обратилъ вниманія на то, что въ рукописи упоминаются, хотя и мимоходомъ, событія гораздо позднѣйшія, чѣмъ событія 1613 г. Такъ, въ одномъ мѣстѣ рукописи, говоря о занятіи Шведами Новгорода, авторъ замѣчаетъ: „держаша его на много время, яко шесть лѣтъ дажь и до царства царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи“²⁾. Такимъ образомъ оказывается, что составитель писалъ лѣтопись уже послѣ того, какъ Новгородъ былъ возвращенъ Русскимъ Шведами по Столбовскому договору 1617 года. Затѣмъ, въ рукописи упоминается о событіи еще позднѣйшемъ, именно о возвращеніи изъ Польши русскихъ пословъ, задержанныхъ Сигизмундомъ у Смоленска, что относится къ 1619 году³⁾. Наконецъ, время составленія лѣтописи ясно обозначено слѣдующимъ мѣстомъ ея: „Посылаетъ митрополита киръ Филарета Никитича, ижь бо тогда правящаго престолъ Ростовскаго и Ярославскаго, днесъ же правяща престолъ великія соборныя и апостольскія церкви пресвѣтѣйшаго патріарха всеа великія Русіи“⁴⁾.

И такъ, лѣтопись составлена во время патріаршества Филарета, которое продолжалось съ 1619 по 1633 годъ. Но кромѣ того, мы имѣемъ возможность опредѣлить время составленія лѣтописи еще нѣсколько точнѣе. Лѣтопись составлена, конечно, уже послѣ того, какъ Кубасовъ написалъ свой трудъ. Въ его хронографѣ также упоминается о возвращеніи пословъ изъ Польши въ 1619 году, и слѣдовательно, его трудъ могъ быть оконченъ не ранѣе, какъ въ 1620 году. Но если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что Кубасовъ упоминаетъ о возвращеніи пословъ, какъ о событіи, хотя, конечно, и современномъ ему, но все-таки не такомъ, которое случи-

¹⁾ Сборникъ *Муханова*, стр. XXXII.

²⁾ Тамъ же, стр. 292, л. 27.

³⁾ Тамъ же, стр. 300, л. 34.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 267, л. 3.

лось недавно, — то намъ кажется, что можно безъ ошибки отнести окончаніе труда Кубасова къ 1626 году, который и выставленъ въ заглавіи списка, служившаго для изданія г. Попова. Если жъ этотъ хронографъ и оконченъ нѣсколько раньше, то все-таки нельзя предположить, чтобъ онъ могъ разойтись прежде указаннаго времени, и чтобъ имъ могли пользоваться составители изслѣдуемой нами рукописи.

Затѣмъ, такъ какъ составитель рукописи пользовался древнѣйшимъ изводомъ Новаго Лѣтописца, который оканчивается 1629 годомъ, и которымъ они могли воспользоваться не ранѣе 1630 г., то отсюда является возможность еще болѣе точно обозначить время составленія изслѣдуемой нами рукописи, именно періодъ съ 1630 по 1633 годъ, годъ смерти патріарха Филарета.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать на тѣ главнѣйшіе выводы, къ которымъ мы пришли въ своемъ изслѣдованіи:

1) Мнѣніе П. А. Муханова, будто рукопись, приписываемая патріарху Филарету, составлена изъ нѣсколькихъ хроникъ, веденныхъ въ разныхъ мѣстахъ, совершенно неосновательно: оно не подтверждается ни взглядами составителей, ни характеромъ сообщаемыхъ извѣстій, ни даже слогомъ.

2) Несомнѣнно то, что эта лѣтопись составлена не патріархомъ Филаретомъ.

3) Исправленія въ рукописи также не принадлежатъ патріарху Филарету.

4) Рукопись эта есть официальная лѣтопись, составленная въ патріаршество Филарета Никитича.

5) Лѣтопись эта не есть что-либо оригинальное, самобытное: она составлена по другимъ сочиненіямъ.

6) Въ основѣ лѣтописи легъ хронографъ особаго состава тобольскаго боярскаго сына Сергѣя Кубасова.

7) Составители лѣтописи, пользуясь хронографомъ Кубасова, какъ источникомъ для своего труда, освѣщали факты, сообщаемые Кубасовымъ, такъ сказать, другимъ свѣтомъ, передѣлывая ихъ на свой официальный ладъ.

8) Кромѣ хронографа Кубасова, составители рукописи пользовались и другими источниками, какъ, напримѣръ, древнѣйшимъ изводомъ Новаго Лѣтописца, и нѣкоторыми официальными извѣстіями.

9) Совершенно неосновательно мнѣніе П. А. Муханова, будто рукопись составлена въ періодъ описанныхъ въ ней событій, то-есть,

между 1606 и 1613 годами; она составлена позже — между 1630 и 1633 годами.

10) Трудъ Сергѣя Кубасова, не смотря на неофициальный характеръ сообщаемыхъ имъ извѣстій, пользовался большимъ уваженіемъ у составителей официальныхъ лѣтописей: хронографъ его не только послужилъ основаніемъ для такъ-называемой рукописи Филарета, но изъ него заимствовано даже цѣлое повѣствованіе о Мининѣ и Пожарскомъ, которое внесено въ дворцовые разряды царствованія Михаила Θεодоровича.

А. Кондратьевъ.

МАЛОНАВЪСТНІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ПОЛЬСѢ ВЪ XVI И XVII
ВѢКАХЪ.

19-го июня 1869 года профессоръ славянскихъ языковъ въ Варшавскомъ университетѣ докторъ Михаилъ Михайловичъ Кондратьевъ издалъ въ Варшавѣ книгу: «Путешествіе по Польсѣ въ XVI и XVII вѣкахъ». Въ этой книгѣ изложены результаты его путешествія по Польсѣ, которое онъ совершилъ въ 1868 году. Книга эта представляетъ весьма интересное и ценное сочиненіе. Въ ней описаны всѣ подробности путешествія, начиная съ момента выезда изъ Варшавы и кончая возвращеніемъ въ Варшаву. Авторъ описываетъ всѣ города, села и деревни, которыя онъ посетилъ, и описываетъ ихъ исторію, географію, народныя преданія и обычаи. Книга эта представляетъ весьма интересное и ценное сочиненіе. Въ ней описаны всѣ подробности путешествія, начиная съ момента выезда изъ Варшавы и кончая возвращеніемъ въ Варшаву. Авторъ описываетъ всѣ города, села и деревни, которыя онъ посетилъ, и описываетъ ихъ исторію, географію, народныя преданія и обычаи.

МАЛОИЗВЕСТНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ПОЛЬЩЕ ВЪ XVIII И XVIII
ВѢКАХЪ

13-го июня 1769 года происходило заседание избирательнаго сейма на Польско-литовск. поляхъ подъ Варшавою. Призвъ. Да заправствуетъ король Михаилъ! Это необыкновенное торжество привлекло всѣхъ, и даже самому гавдану Польскаго королевства пришлось сказать: «Ракова, по видимому, была Варшава». Но сейтѣ бывше Сѣвъ. порожкомъ стилия рѣшеніемъ сейма самъ рѣзко выринулся, и дватцатилѣтній сынъ князя Іеремія Вишневецкаго. Недалеко-дежидвою отъ его руника очутился король, за обласканіе котораго спорили чуть не всѣ двора Бароны. Послы ихъ должны были прѣиспитъ, а время съ фактомъ, а французскій агентъ де-Рива въ свое выказаніи хотѣлъ отомести, вознагражденіи неудачу, освѣтивъ англичанамъ королю отъ французскаго агента. Но на долго сдѣлать не удалось прѣиспаніи иностранности, испити о новороженъ дурманъ, и отъ прѣиспаніи, а опять издѣлалъ на слухъ амальгатора герцога де-Контильа. Французскія партіи были работисты, не уставать ни прѣиспаніи. Прѣиспаніи Андрае Марштинъ, и Христофора Голландскій, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи. Событій, которыя для насъ важны, выдѣлалъ въ Парижѣ замѣчательную Мариневку. Французскія партіи въ Лангюнахъ агента — Андрае; но они дѣлать не скоро обнаружатъ, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи. Событій, которыя для насъ важны, выдѣлалъ въ Парижѣ замѣчательную Мариневку. Французскія партіи въ Лангюнахъ агента — Андрае; но они дѣлать не скоро обнаружатъ, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи, и прѣиспаніи.

0-20.

II-36830p.